Ник Перумов
Святослав Логинов
Чёрная кровь
Эксмо

Святослав Логинов
Ник Перумов

Черная кровь

Серия «Черная кровь», книга 1

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119428
Черная кровь: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-04-002595-5,5-699-19946-2

Аннотация

Лук и копье с каменным наконечником – надежное оружие в привычных руках воинов и охотников из человеческих родов. Волшба колдунов, шаманов и баб-яг – тоже оружие, без которого никак не обойтись. Особенно когда каждую кроху жизни нужно отстаивать у суровойприроды, когда леса и реки кишат всякой нежитью, а орды чужинцев могут нагрянуть в любое мгновение и не пощадят ни старых, ни малых.

Смелый эксперимент двух признанных лидеров российской фантастики! Убедительная попытка создания нового направления – «Фэнтези каменного века»!

Содержание

Предисловие авторов	4
Глава 1	7
Глава 2	66
Глава 3	124
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Святослав Логинов
Черная кровь

Предисловие авторов

Как появилась эта книга?

Так уж получилось, что волею писательских судеб мы оба любим фэнтези. Так уж получилось, что читателям мы известны также произведениями этого жанра. И – так тоже получилось – что мы оба слегка устали от стандарта, сложившегося в фэнтези. Гоблины да гномы, эльфы да драконы… И куча западноевропейских рыцарей. А как же наше, исконное, если можно так выразиться, святоотеческое? Августовским днём, когда рождался замысел, было высказано взаимное желание создать что-то «в русском духе».

Впрочем, если кто-то вздумает использовать нашу книгу в качестве пособия по славянской мифологии, его ждёт жестокое разочарование. Мы щедро черпали не только из славянских древностей, но и в мифологии, эпосе и этнографии других народов: якутов и мордвин, австралийцев и индейцев Южной Америки. А ещё больше выдумывали сами.

Когда-то, на обсуждении первой серии «Звёздных войн», Джордж Лукас начал дискуссию словами: «Авторскому

коллективу известно, что взрывы в космосе не слышны». Точно так же и мы сообщаем, что нам известно, когда вымерли диатримы, эндрюсархи и махайроды. Более того, мы знаем, когда в народных песнях появилась рифма и когда впервые была вырезана русская матрёшка. Пожалуйста, не забывайте, что в первую очередь мы писали фантастический роман.

Ещё на стадии обсуждения будущей книги мы столкнулись с тем, что за прошедшие годы русские фольклорные образы полностью утратили свое изначальное очарование и, так сказать, в «чистом виде» уже не существуют. Нужно было идти вглубь, к самым корням, когда и Баба-Яга, и Кащей Бессмертный, и кот Баюн были – вполне возможно – не только и не столько сказочными персонажами, а вполне даже осязаемыми соседями тех, кто дал начало любимым сказкам. Так возникло «фэнтези каменного века». Удивительное, жестокое, но одновременно – магически притягательное время. Время, когда человек в неразумении своём ещё не разрушил хрупкий баланс между собственным существованием и остальной природой. Когда немногочисленные островки людских племён окружало море неведомых, незаселенных земель, где – вполне возможно! – ещё владычили те, кому тысячелетия спустя предстояло уйти окончательно, уступив Землю человеку-победителю. Когда всё вокруг служило обиталищем бесчисленных стихийных духов. Когда – мы верим! – Слово было силой, когда на зов шамана явля-

лись тени предков, когда в старых ивах над рекой жили древяницы, а чащобы пребывали под бдительным присмотром леших. И – когда людям не требовалось ничего, кроме собственной храбрости, чтобы пересечь ойкумену из конца в конец. Долгая история началась тихим вечером на берегу Великой реки. Не сразу, не в одной книге она закончится. Так что мы не говорим «прощай», мы говорим «до свидания!».

Святослав Логинов, Ник Перумов.

Глава 1

Утро и вечер – лучшее время для тихого безвредного волшебства, что творится для себя самого. В ночи наступает время хищного чародейства, час кровавой жертвы и заклятия добычи. Ночью выползают из-под корней ничьи предки и бледными упырями шастают вокруг жилищ, ища незаговорённого входа. Ночь – время большеглазых карликов и предсмертных криков, время тревожного сна и непокоя. Полдень, напротив, озаряет мир беспощадной ясностью; палящий глаз Дзара проникает до самого дна речных омутов, высвечивает всякую тайну. Дзар ревнив и не допустит, чтобы в его час творилась иная волшеба, кроме его собственной. Недаром нежить пуще грома боится полуденных лучей, и ни один шаман не начнёт камлать в полдень, особенно если день ясный, а охотник не станет заклинать силки и приваживать зверя. Раньше надо было этим заниматься; сейчас время чистой, незамутнённой силы. Зато когда солнце низко и не найти в нём полной мощи, а свет не даёт проявиться злобе, вершатся на земле большие и малые чудеса.

Вдоль самой реки, склонясь вислыми ветвями к зелёным струям, омывая узловатые корни проточной водой, стоят старые изогнутые ивы. Небесная стрела расщепила одну из них, и надломленная ветвь, достойная целого дерева, полощется в воде. Гладкая речная поверхность здесь идёт морщинами,

недовольная помехой.

Ветер ещё не проснулся, миром правит тишина.

Не шелохнув листвы, не потревожив тумана, с расщеплённого ствола соскользнула на землю обнажённая женская фигура. Прекрасное тело светится немыслимой чистой белизной, какая у настоящих женщин появляется лишь к концу зимы. Красавица нагнулась над водой, подставив сложенные пригоршнями ладони. Слышен всплеск, словно крупная рыба ударила хвостом, – из воды появляется вторая пара рук: больших, зелёных, четырёхпалых. Вода переливается с пальцев придонного жителя в девичьи ладошки. Дева распрямляется и с силой плещет дарёной водой на искривлённый ствол ивы. Капли серебром полыхают в лучах незлого утреннего солнца.

Что происходит?.. Зачем?.. Каков смысл этого обряда? – знать не дано.

Мелькнув спугнутой птицей, красавица кинулась к своей иве, приникла к морщинистой коре и исчезла в ту же секунду. Опустел берег, лишь одинокий круг разбегается по глади реки, будто и впрямь оголодавшая щука шуганула беспечную плотвинную мелочь.

На приречном холме показались три человека. Они не торопясь спустились к урезу воды и остановились возле расщеплённой ивы. Один из путников оказался молодой девушкой, почти девочкой. Она наклонилась над рекой, прошептала что-то, осторожно зачерпнула полные пригоршни и то-

же плеснула воду на древесный ствол. Капли бесследно скатились с сухой коры.

– Ну пожалуйста, Салла, не сердись, – тихо попросила девушка.

Новая пригоршня влаги была отвергнута древним растением.

– Вот видите! – девушка повернулась к спутникам. Было видно, что она готова заплакать.

– Погоди, Уника, не горюй. Разберёмся с твоей бедой, – прогудел старший из мужчин. Он подошёл к дереву, прислонился к нему лбом, замер неподвижно.

Всё во внешности этого человека возмущало взгляд. Когда-то он был высок и, должно быть, силён, но годы согнули его в дугу и перекосили на правый бок, где не хватало двух рёбер. Меховой балахон висел на его плечах бесформенным мешком, потому что рук у старика не было. Не удивительно, что вся ноша досталась третьему спутнику – молодому парню, стоявшему шага на два позади. На плече у него висел изогнутый роговой лук, колчан ёжился лёгкими тростниковыми стрелами, какими бьют мелкую птицу, на спине – пристроена котомка, за поясом торчал рабочий топор, хорошо заострённый и добротно отполированный, выточенный из местного желтовато-прозрачного кремня с частыми матовыми крапинами, напоминающими шкуру леопарда.

Насупив густые тёмные брови, парень следил за стариком. Молчание длилось долго, наконец старик оторвался от ство-

ла, досадливо дёрнул плечом, пытаясь погладить остатком руки намятый жесткой корой лоб, и сказал негромко:

– Она не сердится на тебя, Уника, она тебя просто не узнаёт. И меня – тоже. Я мог бы заставить её выйти, но кому это принесёт пользу? Пусть уж живёт как хочет, и ты живи, как прежде жила. Ведь рыба ловиться не перестала?

– Не перестала. Стерляди вчера взяли – всех родичей можно накормить.

– Вот и славно. А что с древяницами приключилось – я подумаю. Авось измыслю, как вас заново сдружить. – Старик вскинул голову, зорко вгляделся в даль, где река плавно закладывала излучину, и произнёс как бы между прочим: – Глаза что-то старыми стали, не пойму, что там в камышах копошится… Никак выдра? Таши, сынок, а сможешь её отсюда достать? Только тихо, не вспугни.

Таши плавно потянул с плеча лук, струнно дзенькнула тетива, дёрнулись, закачавшись, камыши, указывая, что стрела отыскала цель.

– Ну-ка, глянем, что там за выдра объявилась! – быстро скомандовал безрукий. – Только осторожней, а то кабы она не кусачая оказалась…

Троица поспешила к камышам, остановилась, глядя вниз. В первую минуту могло показаться, что пущенная Таши стрела пронзила ребёнка, вздумавшего в утренний час половить на отмели раков, но когда старик толчком ноги перевернул лежащее ниц тело, стало видно лицо, заросшее ключ-

коватой бородой. Убитый был так мал, что даже невысокой Унике достигал едва до плеча. Никакой одежды на нём не было, но рядом, полупогрузившись в воду, лежала тонкая пика, вырезанная из цельной кости.

– Это ночной карлик? – спросил Таши.

– Нет, конечно. У ночных карликов глаза в пол-лица, и волосом они зарастают подобно зверям. А этот гладкий. Это человек. Но чужой, это сразу видно. С такими – война насмерть.

Таши глянул на собственную руку, которую густо покрывали тёмные волоски, и недовольно дёрнул губами. Уника потянула из воды костяную пику, осторожно понюхала остриё.

– Вроде не отравлено.

Старик тоже наклонился, принюхался, раздувая ноздри.

– Тем хуже. Значит, силу чувствуют, не боятся нас. Не нравится мне это. Смотрите – кость-то птичья. Что же это за птица такая? Не хотел бы я с ней в чистом поле встретиться. Человек для неё, что червяк для вороны.

Уника испуганно съёжилась, поглядывая на противоположный берег, откуда приплыл лазутчик. Всходившее солнце как-то вдруг нырнуло в растянутые у горизонта облака. Потянуло холодным ветром, река неприветливо зарябила.

Что же случилось? Ведь здесь самые родные, знакомые места… сколько себя помнит, она бегала здесь, ничего не опасаясь, а теперь древяницы не узнают её, и враг затаился

в камышах, где так богато ловилась рыба.

Таши тем временем вытащил на берег убитого, подивился, как удачно попала стрела – под левую лопатку. Ведь стрела не боевая, на утку изготовлена, и, ударь она в любое другое место, соглядатай остался бы жив, и неведомо, удалось бы взять его в густых зарослях. Хотя возможно, выстрел его тут ни при чём, а всё дело в чародействе. Говорят, старик, – Таши не осмелился назвать своего спутника по имени, чтобы тот не подслушал мысль, – умеет стрелы взглядом метать. Потому и ходит с ним вдвоём в самые дальние походы, не боится, что Таши сбежит, пока рядом нет взрослых воинов. Другие мужчины на такое не осмеливаются: караулят его, смотрят подозрительно, боятся. Неумные они: головы дубовые, рыбьи глаза – не видят, что никуда Таши не побежит, нет ему отсюда дороги. А коли судьба велит стать не человеком, а мангасом, то здесь он и умрёт; всё равно иначе жить не стоит.

– Идём, – сказал старик, прервав мысли молодых спутников. – Надо родичей предупредить, пусть караулы высылают. А дротик с собой захватите, вождю показать.

Повесив на плечо лук и взяв в свободную руку птичье копьецо, Таши пошёл к обрыву, пологому в этом месте и отстоящему далеко от воды. Старик и Уника двинулись следом.

Земля в этих краях была вполне и давно обжита и принадлежала одному роду. Наверху по выгоревшей от нещадной

жары траве бродили овцы, пара лохматых собак, высунув языки, лежала возле тернового куста. Очевидно, они притомились, сбивая в кучу стадо, потому что солнце было ещё низко. Настоящая жара придёт не скоро, да и не бывает настоящей жары в августе. Обычно при стаде находились двоетрое мальчишек, но сейчас их не было видно, кабы не на отмель умотали – раков ловить.

Ещё дальше лежали поля: делянки, поднятые мотыгой из камня или оленьего рога. Урожай в этом году ожидался невеликий, ячмень плохо выколосился, примученный засухой. Но всё равно хлеб – большая подмога, весна каждое зёрнышко подберёт. А те роды – людские и чужинские, – что пахоты не знают, по весне мрут как мухи. От хлеба свои люди и силу имеют: род держит землю на много дней пути в любую сторону. На юге – до самого края земли, до горького лимана, на севере – покуда преграду не положит лес, где человек по доброй воле жить не станет. А на закате и востоке угодья ограничивают две реки: Великая и Белоструйная. За реками тоже люди живут, но род у них другой. С одними людьми дружба, с другими вражда, но вражда обычная, от человеческих причин. Вот чужие – иное дело. Бывает, они из леса приходят, а то накатываются из-за Великой реки. Настоящих людей там немного, вот и балуются чужинцы. Особенно согнутые – это давний враг. А теперь ещё какие-то нашлись – мелкие. Хорошо, что вовремя их углядели, у старого Ромара глаз как у кречета, даром что вздыхает, жалуясь на слепоту.

Должно быть, это предки подарили ему как плату за увечье, а то пропал бы старик и без рук, и без глаз. Никакое волшебство не выручило бы.

Род жил в четырёх больших посёлках, поставленных там, где была лучшая земля и всего богаче ловилась рыба. Охотой всех родичей было бы не прокормить, а рыбе в реке нет перевода.

Сразу за пажитями путников встретила городьба, составленная из тяжёлых дубовых плах, вкопанных стоймя, вверх заточенными и обожжёнными остриями. За оградой располагалось селение, самое большое из четырёх.

Вход был перегорожен уложенными в пазы пряслами – не от человека ограда, а просто для порядка, чтобы спокойней было. Зимой случалось по льду переходили с того берега орды чужих, и тогда сородичи закрывали вход щитами и из-за стен били пришельцев из луков. Чужие луков не знают, оружие у них самое пустячное: камни, дубины, редко у каких родов бывают костяные пики или ремённое боло, с каким ходят бить онагров, лошадей и джейранов. Настоящего оружия чужие не выдерживают и откатываются искать себе иной добычи.

Дома в селении круглые, частью вкопаны в землю. Из-под крыш тянутся дымки: едят люди общее, а варит каждая семья себе отдельно. А то и не придумаешь, в чём на такую толпу готовить? И какой очаг для этого дела нужен?

Таши, Уника и безрукий Ромар шли в самый центр се-

ления, где рядом стояли дом вождя и жилище шамана. Там же была и площадь, на которой, в случае нужды, собирались охотники. Путников заметили, но особого значения их появлению не придали. Мало ли по какому делу люди идут. Хотя и Ромара, и Таши знали все, а многие ненавидели и боялись. Боялись Ромара, а ненавидели Таши.

Таши шагал через селение с независимым видом. С тех самых пор, как он узнал о своей исключительности, он слишком хорошо привык так ходить. Раньше люди, полагаясь на Ромара, считали его настоящим человеком, а последний год, когда Таши вдруг рванул и обошёл в росте не только одногодков, но и почти всех взрослых охотников, народ уверился, что дело нечисто. И хотя истину может открыть лишь испытание, которого ещё два месяца ждать, но люди за верное держат, что испытание лишь время оттягивает, а на самом деле Таши не человек, а ублюдок, страшный мангас, и чем скорее его прикончить, тем лучше будет. Заодно и на Ромара смотрели косо: ведь это он убедил сородичей оставить жизнь младенцу, рождённому от неведомого отца.

Прошлой осенью охотники уже заводили разговор о Таши, но вождь прикрикнул на смутьянов и приказал, чтобы обидного слова никто не смел говорить. Чем род держаться станет, если свои законы похерит? Но Таши знал, что разговоры за мазанными глиной стенами не стихли. И то, как поспешно мать дала подзатыльник не в меру ретивому мальцу, вздумавшему крикнуть вслед Таши запретное оскорбление,

лишь вернее показало юноше, о чём судачат сородичи.

Жилище вождя заметно отличалось от остальных домов. Случалось, Бойша созывал на совет полсотни мужчин, и всем находилось место у его очага. Шаман Матхи, напротив, жил в землянке, больше напоминавшей нору. Этого тоже требовал обычай. Если прочие дома стояли на деревянных столбах и уходили в землю совсем немного, до слоя плотной глины, то землянка колдуна была врыта в почву словно погреб, а перекрытиями у неё служили кости мамонта. Мамонтов в округе никто не встречал уже много лет, и когда сородичи поправляли дом колдуна, то материал приходилось покупать у северных соседей.

Путники подошли к дому Бойши, Ромар кивнул, и Таши решительно постучал по опорному бревну. Откинулся полог, на пороге появился заспанный Туна – брат вождя. Был Туна огромен, силён, непроходимо глуп и на редкость благодушен. Старшего брата он боготворил и готов был на что угодно по единому его знаку. Впрочем, Бойша умел не пользоваться силой брата в открытую, за что его особо уважали сородичи.

– Вождя позови, – коротко сказал Ромар.

– Так его нету. На низ пошёл, выхухоль смотреть. Люди с запада обещали за выхухоль киноварь дать. Он и пошёл. А я остался, мне мелкие звери неинтересно. Вот ночью я поле караулил, так на ячмень кони приблудились – целый табун. Я одному спину сломал – это было весело. Женщины сейчас

мясо разделывают. Вечером приходите, пировать станем.

– Спасибо за приглашение, – остановил богатыря Ромар, – но сейчас всё-таки надо найти Бойшу. Чужие объявились.

– Понял. – Сонливость разом слетела с лица Туны. Он скрылся в доме и почти сразу появился оттуда с луком и боевым топором. – Кто хоть объявился? Согнутые?

– Нет, – Ромар покачал головой. – Новые какие-то. Прежде таких не бывало.

– Эх… – посочувствовал Туна, поправил за спиной пустую котомку и быстро направился к воротам. – Часа через два ждите! – крикнул он. – Я быстро!

К тому времени как запыхавшийся Бойша прибежал в селение, тело карлика было уже принесено и уложено на камнях близ столпа рода, а на площади собрались главы семей, оказавшиеся в этот момент поблизости. Кроме того, Ромар послал полтора десятка молодых парней с луками прочесать прибрежные камыши на изрядное расстояние в обе стороны от посёлка. Это не было самоуправством, Ромар, как старейший мужчина рода, мог распоряжаться в отсутствие вождя. Да и новость, им принесённая, была слишком нехороша.

Охотники один за другим подходили к распластанному телу, отгибая веко, глядели в слепо белеющий глаз с узкой щелью зрачка; качали головами, взвешивали на руке пику, удивляясь лёгкой упругости птичьей кости. До сих пор никто из людей не видывал ни такого существа, ни подобного оружия. Робкое предположение, что карлик – всего лишь слу-

чайный урод и такого народа нет вообще, – тут же было отвергнуто. Ведь тогда он был бы вооружён чем-то знакомым.

Стакн – лучший умелец рода – особенно долго разглядывал костяной дротик, затем произнёс:

– Плохо заточено. Это не настоящие люди, они бы сделали как надо. – Стакн замолчал и добавил мечтательно: – На стрелы бы такую кость пустить, она щепиться должна ровно, цены бы таким стрелам не было…

Договорить ему не удалось, на площади появился Бойша.

Не был Бойша ни самым грозным воином, ни самым исхитрившимся охотником, ни лучшим из волшебников, ни даже мудрейшим из мужей совета. Всякое дело удавалось ему хорошо, но в каждом деле находился мастер, превосходивший умением Бойшу. Но зато Бойша умел выслушивать каждого, а потом, когда решение принято, мог заставить других слушаться. Это и делало его вождем и главой рода.

Коротким жестом Бойша остановил бесцельные разговоры и приказал рассказывать сначала Унике, потом Таши. Ромар во время рассказа хранил молчание, понимая, что его слово значит слишком много и может исказить мнение младших.

– Так было? – спросил наконец вождь.

– Так.

– Что скажете, воины? – Бойша обвел взглядом собравшихся. – Что делать станем?

Некоторое время старейшины степенно молчали, потом

Туран, пожилой охотник из низового селения, произнёс:

– Нечего тут делать. За рекой много всякой пакости бродит, что ж, из-за каждого караул кричать? Подстрелили ползуна – и ладно. Опять поползут – снова подстрелим. А в открытую они не сунутся, куда им, худосочным, против нас. Рыбаков, конечно, оповестим, охотников, само собой, а больше ничего не нужно. Это ещё не беда, это полбеды.

– Настоящим человеком он быть не может? – скорее для порядка спросил Бойша. – Оружие у него незнакомое, у чужих такого нет.

– Заточено плохо, – как бы сам себе возразил Стакн.

– Куда ему в человеки… – прогудел кто-то.

– Хочу сказать я, – раздельно произнёс Ромар.

Ромар издавна был известен слишком большой терпимостью, всякое существо он склонен был считать человеком. В песнях, которые вечерами пели познавший душу камня Стакн и другие мужчины, стариково имя часто встречалось рядом с именем Пакса – дальнего предка, который сдружил род зубра с чернокожими. Тогда точно так же воины собрались на совет, и все видели в пришельцах чужаков, лишь Пакс и молодой в ту пору Ромар считали иначе. Они оказались правы, и в результате у рода стало одним врагом меньше. Теперь все ждали слова безрукого, одни заранее доверяя старцу, другие столь же предвзято считая, что Ромар в любом случае примет сторону пришельцев и назовёт их своими.

– Это чужой, – твёрдо сказал Ромар. – В том нет никакого

сомнения. Я могу ошибиться, принимая чужака за своего, но если я говорю – чужой, то он чужой и есть. В конце концов, я видел его живым, хотя и недолго. У него не наши повадки. Но они не просто чужие, это что-то куда худшее. С этой мелкотой нельзя договариваться, горные великаны лучше поймут нас и верней сдержат слово. Я побаиваюсь, что это вовсе не люди, что они сродни большеглазым…

Кто-то из охотников скептически хмыкнул, а Бойша резко спросил:

– Ты уверен?

Ромар, дёрнув плечом, шагнул к телу убитого, толчком ноги перевернул его лицом вниз.

– Да, он похож на человека, он безволос, у него маленькие глаза, хотя и с чужим зрачком, и нет хвоста. Но взгляните на суставы, на то, как изогнут хребет. У человека так не бывает. Кроме того, посмотрите на зубы – у него нет клыков. Общая мать породила этот род и род большеглазых.

– В этом ты тоже уверен? – строго переспросил Бойша.

– Когда имеешь дело с большеглазыми, трудно быть уверенным.

– Судя по коже, – Бойша ронял слова медленно и веско, – этот человечек родился в краю высокого солнца, и, значит, его род движется на полночь. А там живут карлики. Ты считаешь, эти два рода могут скреститься?

– Нет, не считаю, – сухо ответил Ромар, – но мы обязаны быть готовы и к такому.

– Представляю, какие жуткие мангасы родятся от этих коротышек! – осклабился могучий, но недалёкий разумом Туна.

– Они будут достаточно страшны, чтобы мне не хотелось их видеть, – остановил брата вождь.

Чужинец лежал у ног охотников, рана на спине запеклась и казалась не глубже простой ссадины, короткие ноги поджаты к животу, спина изогнута крутой дугой. Казалось, убитый жив и сейчас готовится прыгнуть.

Вождь принял решение.

– Мы не будем разговаривать с ними, – сказал он. – Они чужие и должны исчезнуть. Но на тот берег мы за ними тоже не пойдём, будем зорче следить за рекой. Скажите всем, чтобы не ходили в одиночку, детей из селения без присмотра не выпускать. – Бойша громко вздохнул и добавил: – Избаловались люди. Слишком долго было хорошо. – Бойша помолчал, ещё раз подкинул на руке невесомый дротик, потом протянул его Таши: – Твоё.

Кое-кто из воинов недовольно поджал губы, но ничего не сказал, – всякому ясно, что оружие убитого врага должно достаться победителю. А что досталось небывалое копьецо мальчишке, так сами виноваты: где вы были, когда противник полз на берег? Парню, конечно, не время ходить с пикой, так оружие есть не просит, долежит до осени, а там уж – как скажут предки.

– Что с этим станем делать? – вождь ткнул убитого чу-

жинца.

– Отдать духу кремня, – подал голос шаман. – Отнесём на каменные россыпи и сожжём. Только так, чтобы ни единой кости не осталось. Тогда его род ослабнет, а главное – не узнает, кто взял у них воина, и будет думать на камни.

– Хорошо, – согласился вождь, – делай так. И последнее. Вот вы, – вождь вышел из круга старейшин и быстро отобрал пятерых охотников помоложе, – ступайте на берег, пройдитесь камышами, гляньте, нет ли там ещё каких гостей. Тейко будет старшим. И Таши пусть с вами сходит, покажет, что к чему.

Ничего особенного Таши показывать не пришлось. Чужинец явно не умел ходить в камышах, просеку он проломил такую, что с закрытыми глазами пройти можно. Больше человеческих следов в зарослях не было. Посовещавшись, охотники решили сплавать на тот берег, откуда, судя по следам, приплыл лазутчик. Вообще-то на тот берег Бойша ходить не велел, земли там чужие, может случиться всякое, но следопытов одолел задор.

Обычно Великую реку не просто переплыть, но в этом году вода стояла на редкость низко, далеко отойдя от обрыва и чуть не на сотню шагов оголив пологий берег. Доплыли единым духом, но и на степном берегу никого не отыскали. След, однако, сумели взять и по нему вышли к одной из укромных балок, где, видать, и стояла чужинская орда. Никаких следов человеческой жизни на земле не было: ни

кострища, ни обронённой вещицы – только отпечатки узких лапок, больше похожих на ладонь, чем на ступню, а поверх и рядом с ними – трилистники птичьих следов. Следы были бы похожи на журавлиные, если бы не размеры – увенчанные когтями пальцы в локоть длиной вспарывали землю, как не всякий пахарь сохатым рогом управится.

Парни молча переглянулись и, не мешкая, поспешили к берегу. Шли сторожко, держа оружие на изготовку, но так и не видели ни единой живой души. Степь молчала, пристально и недобро глядя в спины уходящим.

Почти у самой ограды, чуть в стороне от семейных жилищ, выстроен ещё один большой дом, в котором могла жить без малого сотня человек. В доме ночевали одинокие мужчины, которые по какой-то причине не имели семьи. Сюда же поселялись и сироты мальчишки, которых в роду было немало. Девочки, даже оставшись без родителей, продолжали жить в семейных домах, переходя к кому-нибудь из родственников, а мальчишки уходили сюда. Таши обитал здесь уже третий год.

Жизнь в доме шла шумная и озорная, потому и дом стоял на отшибе. В просторном жилище складывались отношения между парнями, и при желании можно было увидеть, кто через десяток лет будет водить отряды в дальние походы, а кому всю жизнь провести неудачником. Недаром называлось это строение Домом Молодых Вождей, и большинство маль-

чишек, подходя к заветному возрасту, добивались позволения жить не под родительским кровом, а среди холостяков и сирот.

Кухарничали в Доме Молодых Вождей все женщины рода по очереди. Готовились к этому делу заранее, старались показать всё своё искусство, ведь именно молодые мужчины ежегодно летом определяли Мокошь – лучшую хозяйку. В её честь жгли костры, ей подносили огромнейшие венки, сплетённые из мяты и тмина, и, бывало, много лет спустя старухи выясняли промеж себя, кто из них и когда был назван лучшей стряпухой.

Последние два года душистые венки приносились к дому Латы, матери Уники. Завистливые соседки шептались, что не умение Латы тому причиной, а красота дочери. Невеста растёт – всем глазам загляденье, недаром Тейко – лучший из молодых охотников третий год на смотрины не ходит, жениться отказывается, ждёт, пока подрастёт Уника. Не долго ждать осталось: осенью подрежет колдун непокорные смоляные волосы, а через недельку и время свадеб подойдёт. Кому, как не Тейко, Унику взять? Больше некому.

Таши, слыша краем уха бабские пересуды, чернел лицом, но молчал. Ничего тут не исправишь, не стоит и пытаться. Власть в роду держат мужчины, а родство считается, как с древних времен повелось, – по матерям. И если смотреть по женской линии, то они с Уникой идут от одного корня. Хотя родство там такое, что без бубна не сразу и вспомнишь, но

закон твердит безотступно: хоть плачь, хоть вой, хоть башку о камень рассади, а нельзя родственникам жениться.

У самого Таши судьба и того ясней расписана. Другие парни ждут испытаний с радостью, а он – со страхом. Хотя и боль может терпеть не хуже других, и копьём владеет, и боло кидает за сто шагов, а в стрельбе из лука разве что один Туна превзойдёт его. Этих обычных испытаний Таши не боялся, и если бы на том и кончился обряд, то ждал бы его Таши с тем же нетерпением, что и другие юноши. Но у него впереди ещё одно испытание – тягостное, неизбежное, которое не отложишь на год и которого со страхом и подхихикиваньем ждёт весь род. Прежде чем слепой Матхи на ощупь вытатуирует у него на груди изображение зубра, Таши должен доказать, что он не мангас.

Страшное это слово: ублюдок, помесь человека с чужинцем, хуже зверя, гаже последнего трупоеда, опасней ночного демона.

Есть лишь один способ доказать, что ты настоящий человек. Природа жестоко мстит осквернителям естества, лишая ублюдков способности к продолжению рода. Тот, на кого пало тяжкое подозрение, должен доказать сородичам, что он способен быть мужчиной. Ему не будет позволено остаться холостяком. Едва окончатся обычные испытания, старики бросят жребий, и кто-то из молодых и бездетных вдов должен будет лечь с Таши на глазах у всех собравшихся, чтобы он мог утвердить свое право называться человеком. Если

всё кончится благополучно, эта женщина и станет его женой; иного выбора нет.

Сейчас в селении было три рано овдовевших женщины, и Таши с ужасом гадал, какую из них предки предназначат ему в супруги. С тем же трепетом смотрели на него при встречах вдовы. Не то страшно, что у всех на глазах придётся совершать тайное, а жутко лечь под мангаса. Откроется истина, мангаса прикончат, а с ней что? Даже если жива останешься, вовек не смоешь клички Мангаска, и жизнь уже никак не устроишь.

Мерзостный обычай, жестокий, но необходимый. Оставишь живым мангаса, и однажды он уничтожит весь род. Мангас жалости не знает, а вот силы, хитрости и недоброй магии в нём столько, что хватит на десятерых. Хорошо ещё, что редко выпадают такие испытания, один только Ромар помнит, как это было. Тогда испытание кончилось удачно: сын мудрого Пакса и чернокожей женщины оказался человеком. Он прожил долгую жизнь, имел много детей. Уника, да и не только она, несёт в себе частицу его крови. Может быть, поэтому она и не верит, что Таши мангас. При встречах приветлива, в разговорах ласкова и улыбчива. И от этого ещё сильнее мучает Таши горечь.

А Ромар так и не скрывает, что именно в память о той истории уговорил сородичей оставить жизнь Таши, когда тот только родился. Его мать была уведена неведомым племенем и сумела бежать в родные места лишь через полгода, будучи

уже беременной. Что за люди её украли? Известно лишь, что они высоки ростом и волосаты, словно горные великаны. И хотя по рассказам несчастной женщины волосатые хорошо сложены и не только знают огонь, но и камень шлифуют, и луками владеют превосходно, но всё же никто не мог поверить, что это настоящие люди. А Ромар поверил и убедил остальных ждать, пока не наступит время испытания.

Почему-то Таши был твёрдо убеждён, что испытания ему не выдержать. И не потому, что не способен быть мужчиной, а просто не станет он этого делать… Пусть лучше убьют.

Поздно вечером Таши вернулся в Дом Молодых Вождей, поел и сразу улёгся спать. И никто из сверстников, ни единый человек не подошёл к нему, не спросил, как ему удалось подстрелить чужака и не случилось ли чего интересного во время облавы.

На следующий день жизнь вошла в нормальную колею. Вдоль берега были отправлены дозоры, но Таши в них никто не взял – как ни верти, а он ещё ходит в мальчишках и не место ему среди воинов. К тому же начиналась жатва, и каждая пара рук была на счету.

Уборка урожая недаром зовётся страдой. Тяжкий это труд, ломотный, не чета иной работе. Но зато и кормит хлеб круглый год, а всякая остальная еда идёт к хлебу приварком.

Выходили на жатву всем народом, даже Стакн со своим хозяйством расположился поблизости: сломается у кого серп

или расколется било на цепе, чтобы сразу можно починить. Малышня рвала колосья руками, кто постарше имели серпы, деревянные или из бараньего ребра. Но и у тех и у других край серпа оснащён зазубренными кремневыми пластинками, источенными до изумительной остроты и прозрачности. Чем длиннее накладка, тем вернее работает серп, реже портится, лучше бережёт силы.

У Таши был серп редкостный: цельнокаменный, доставшийся от матери. Изогнутая пластина длиной в ладонь с ровными, один к одному, зубчиками срезала колосья словно сама собой. Большой цены вещь. Серп Таши хранил вместе с боевым топором, что выточил под присмотром Стакна, и набором длинных боевых стрел с треугольными наконечниками из жёлтого кремня. Стрелы тоже самодельные, мастера люди на такую мелочёвку не отвлекают. Подойдет пора – смастерит Таши и лук – настоящий, боевой. А пока – нельзя, возраст не позволяет.

Чудно все-таки жизнь устроена: всего-то осталось быть на свете два месяца, а душа того не приемлет, планы сметит, хочет чего-то.

Серп Таши решил подарить Унике.

Первые снопы легли на расстелённые по траве шкуры старых зубров. Зубр – не просто зверь, а прямой родственник. Пращур Лар, прежде чем стать человеком, был зубром. Зубра бьют лишь в особый праздник, собравшись всем родом, и не всякий год такое случается. Шкуры лежат у шамана и

лишь для больших общих дел появляются на свет.

Начало страды ещё не сама страда, а весёлый праздник. Люди радуются новому хлебу, работают с песнями:

Поднималось солнышко,
Пригревало зёрнышко.
Туча по небу плыла,
Хлебу дождичка дала.
Уродился хлеб высок,
К колосочку колосок…

Песня долгая, под стать работе, говорилось в ней и о том, как хлеб рос, и как будет убран, и как хлебы будут печь и пиво варить. Но на этот раз песельники не успели хотя бы в мечтах испить пива со свежего ячменя. Со стороны селения, прервав песню и спорый труд, донёсся заунывный разноголосый рёв, призывающий всякого услыхавшего немедля бежать в селение к дому шамана. Кричал родовой оберег, великая раковина Джуджи.

Кусок земли перед жилищем Матхи также был огорожен заострёнными плахами: копиями внешних, но втрое меньше размером. На острых тырчках, оборотившись наружу зубами и нацеленными рогами, висели звериные черепа. То была ограда от злых духов и таинственных существ. С этим народом можно дружить в поле или на реке, но в селении им делать нечего. Когда человек спит, душа его бродит по внешнему миру, и мало кто из таинственных существ удержится,

чтобы не вселиться в брошенное тело. Потому и нужна защита. В домах с этой целью кормили фигурку Лара, а здесь Матхи ежевечерне брызгал на острые колья отваром полыни и мяуна. За оградой в круге камней располагалось жертвенное кострище и возвышался столп предков, украшенный рогами зубров. Рядом под любовно обустроенным навесом привязана была волшебная раковина Джуджи. Последние годы она не часто проявляла свою силу, и это было хорошо, потому что раковина молчит, когда в мире всё спокойно.

Охранный талисман был получен родом много лет назад за немалую плату: пять девушек-невест навсегда ушли в чужой род, и с тех пор пять острых выступов на теле раковины носили их имена. Хотя, если сказать по совести, Джуджи обошлась людям всего в две девушки, поскольку её принесли три темнокожие красавицы, которые остались в селении и вошли в семьи охотников и рыболовов. Такой ценой покупается мир.

Это был мир не только с родом чернокожих, который и без того почти не давал о себе знать. Но с тех пор дозорные отряды, ходившие вдоль берегов рек, имели при себе маленькую ракушку – дочь Джуджи. Ежели отряд встречал опасность, с которой не мог справиться сам, достаточно было подуть в ракушку, и тогда Джуджи начинала одышливо реветь. Ромар, Матхи, Бойша и кое-кто из старых охотников умели по звуку определить, откуда ждать беды. Так что давно уже противник не мог захватить людей врасплох. Маленькие ракушки

хранились у вождя. Сколько их было всего – оставалось тайной, на свет никогда не появлялось враз более шести штук, и до сих пор, к счастью, ещё не пропало ни одной ракушки.

И вот теперь Джуджи проснулась: один из дозорных отрядов звал на помощь.

Люди ринулись в селение. Мужчины бежали налегке, им надо успеть схватить оружие и выйти навстречу противнику. Женщины, надрываясь, тащили всё, что оказалось за оградой, торопили детей, гнали скот. Жалели, что нельзя забрать в городьбу неубранный хлеб.

Таши первым влетел в дом, схватил лук, связку боевых стрел – вот и пригодились они до времени! – за обмотку пихнул нож. Скрипнул зубами с досады: боевой топор лежит без топорища! – ухватил рабочий топор, лёгкий, но зато с острым краем, сунул его за кушак и с дротиком в правой руке помчался на майдан, где собирались воины.

«А ну как прогонят?» – кольнула неожиданная мысль.

Но на Таши просто никто не обратил внимания. Мужчины сбегались со всех сторон, сжимая оружие привычными ко всякому делу руками. Бойша вынырнул из своей хижины. В левой руке – копьё, в правой – тяжёлая каменная дубина из драгоценного травянисто-зелёного нефрита: оружие самого Лара. Несчётные поколения вождей выходили на битву со священным камнем в руках, и ни разу род не был побеждён.

– К верхней излучине! – зычно скомандовал вождь и первый размашистым шагом не знающего устали охотника побе-

жал к воротам. Воины молча последовали за ним. Через пять минут они обогнали Матхи и Ромара, также спешащих к месту тревоги. Слепой и безрукий не могли двигаться быстро, но без них сила войска уменьшилась бы наполовину, и колдуны тоже поспешали изо всех сил.

Над обрывом показался стремительно бегущий человек. Это был Тейко, которого, видимо, послали в селение за подмогой.

– Согнутые! – издали закричал он. – Переплыли на Сухой остров, сейчас хотят дальше двигаться. Всей ордой идут!

Согнутые были давним и хорошо знакомым врагом. Это тоже были люди, но не настоящие, а чужие. Большинство чужих родов давно были изгнаны кто куда. Горные великаны прятались в ущельях на западе, да они никогда особо и не тревожили людей. Не знающие огня трупоеды бежали в северные леса, где властвуют ночные убийцы, и вот уже двадцать зим, как о них ничего не слышно. Прочие чужинцы сгинули давно, их не помнит даже Ромар. Лишь в песнях говорится об удивительных народах и о героях, истребивших или изгнавших их. А вот согнутые остаются ближними соседями, и, хотя их удалось оттеснить за реку, они не перестают тревожить род набегами. Воруют детей и женщин, бьют скот; не угоняют, а просто бьют, сколько могут сожрать. Своего скота у согнутых нет, лишь полудикие собаки сопровождают орду. Хлеба согнутые не понимают – топчут как простую траву. И на охоте тоже – где прошли согнутые, там настоя-

щим людям делать нечего, потому и война с ними не утихает.

Силой и звериной ловкостью согнутые превосходили людей, а вот разумом уступали. Огонь согнутые знали, но камень обрабатывать толком не умели, обходясь кое-как околотыми рубилами. Хотя не это делало их чужими. Согнутые были из тех родов, что могли иметь общих детей с настоящими людьми. Но от такой связи рождались уже не люди и не согнутые, а мангасы. И это решало всё.

Даже среди чужих родов согнутые выделялись тем, что не убивали народившихся мангасов, а, напротив, окружали поклонением. Украденные дети вырастали в их племени и сражались за него, словно за собственный род. Кое-кто из них заводил семьи с чужинцами, и тогда рождались мангасы. Благодаря мощи ублюдков род согнутых не только не погиб, но порой умудрялся устраивать набеги. Чаще они случались зимой, когда лёд сковывал реку, но бывало, что и летом оравы согнутых переплывали на гористый берег, где их приходилось вылавливать и уничтожать. Но на этот раз согнутые двинулись все разом. Тейко сказал, что согнутых заметили, когда те переправлялись на пустынный Сухой остров. На острове согнутым делать нечего, это просто песчаная коса с купами старых деревьев вдоль верхушки. В половодье остров заливало, деревья торчали из воды посреди реки. В сухие годы остров увеличивался, наращивая длинные песчаные берега. Всякому ясно, что раз согнутые заняли бесплодный островок, значит, они собираются переселяться на дру-

гой берег. Потому и вызвали разведчики подмогу.

Вскоре воины достигли того места, где поджидал отряд дозорных.

– Что там делается? – спросил Бойша.

Командовал разведчиками немолодой рыбак с непоседливым именем Муха. Муха знал реку вдоль и поперёк, потому и вызвался следить за берегами, и в первый же день сумел заметить врага.

– Все на Сухой переправились, – сказал он вождю. – С детьми и собаками. Такого прежде не бывало. Не иначе, сейчас через правую протоку поплывут. Тогда их прямо к нам снесёт. Здесь встречать надо.

– Много их?

– Сотен пять, не меньше.

Вождь присвистнул:

– Много. С чего это они в кучу сбились? Попробуем их по-хорошему прогнать, без драки. Колдуны пришли?

– Вон плетутся, – отмахнул рукой Тейко.

Тейко мог сколько угодно морщить нос, но вождём всё-таки был не он. А Бойша понимал, что сойтись в сражении с пятью сотнями согнутых – значит не только заслужить славу у потомков, но и потерять немало сильных мужчин и осиротить многие семьи.

По приказу вождя воины рассыпались вдоль берега, двигаясь так, чтобы их невозможно было заметить с низкого берега. Прошло ещё несколько минут, среди деревьев на ост-

рове появились первые сутулые фигуры. Потом разом песчаная коса заполнилась людьми. Согнутые направлялись к воде.

И тут над обрывом во весь рост поднялся Бойша.

– Эй, вы! – заорал он. – Убирайтесь в свои степи, иначе мы убьём вас всех до последнего!

Воины, поднявшиеся за спиной вождя, молчаливо подтверждали его слова, а Ромар набрал полную грудь воздуха и заголосил отрывисто и непонятно, переводя человеческие слова на чужой язык. Откуда Ромар знал наречие согнутых, оставалось его тайной, давно уже никого не удивлявшей. Слишком много лет прожил на свете Ромар, так что даже самые глубокие старики из ныне живущих не помнили колдуна молодым.

На мгновение согнутые замерли, как бы вслушиваясь в обращённые к ним слова, потом остров взорвался невнятными воплями, а следом случилось неожиданное.

Обычно чужие, увидев, что их обнаружили, спешно отходили, крича и размахивая кулаками, но не принимая боя, и лишь через несколько дней вновь пытались переправиться через реку. Но на этот раз не иначе сам Дзар иссушил их мозги, и согнутые полезли напролом, хотя видели, что над обрывом их поджидает не отряд в десяток воинов, а всё племя.

Вода забурлила от множества тел, согнутые ринулись на приступ. Шли без разбора, вооружённые мужчины и тут же

женщины, детёныши, как две капли воды похожие на настоящих людей, старики, избитые временем, и даже чужие собаки, не дожидаясь исхода схватки, бросались в воду и плыли на гористый берег.

– Ах вот как?! – взревел Бойша, подымая над головой каменный скипетр. – Тем лучше! Предки отдали согнутых в наши руки! Сегодня не должен уйти ни один!

Туна, встав на самом краю обрыва, натянул свой чудовищный лук, и первая стрела ударила в толпу чужих людей, заставив одного из нападавших ткнуться лицом в воду.

Другие стрелки пока ждали, понимая, что их стрелы так сильно не бьют. Таши лишь зубами заскрипел от отчаяния. Ну отчего ему не дозволено взять боевой лук?! Ведь он мог бы стрелять ничуть не хуже Туны, а должен ожидать с детской игрушкой в руках, из которой только куличков на отмели сшибать…

Потом стреляющих стало двое, затем трое. Один за другим выступали вперед охотники, целились, спускали тетиву, горделиво выпрямлялись, когда она находила цель. Только что кулаком в грудь не стучали, как принято на празднике Большой Охоты, когда стрелки соревнуются, кто лучше пробьёт стрелой нарисованного на куске кожи оленя. Ох, какой славный праздник пришёл к людям! Об этом дне будут помнить многие поколения, а нечистый род согнутых останется лишь в сказках, где всё больше будет красивой неправды и всё меньше истины. Хорошо, когда враг остаётся лишь в

сказках, и сегодня он отправится туда!

Между тем согнутые продолжали плыть, не считая убитых и не оглядываясь на раненых. И тем, кто должен не просто бить врага, но и понимать, что происходит, становилось ясно, что чужие люди идут под стрелы не своей охотой, что гонит их что-то более страшное, чем убийственное оружие настоящих людей. Помрачнело лицо Ромара, и Матхи, стоявший у дальней косы, вскинул большой бубен, затряс им над головой, ударил по сухой коже, заголосил, призывая предков проснуться и прийти на помощь роду.

На середине протоки вода намыла длинную галечную мель. Почувствовав под ногами твёрдое, чужаки разноголосо завопили и начали сбиваться в плотную группу. Лучники дружным залпом проредили толпу, но на место захлебнувшихся немедленно встали новые, и скоро на отмели появился правильный круг, словно пришельцы вздумали водить хоровод по грудь в воде. Какие чары творились там, никто не знал, да воинов это и не интересовало. От вражеской магии должны прикрыть колдуны, недаром же они стоят в самой первой шеренге.

– Ах-ха! – предостерегающе крикнул Ромар, и слепой Матхи понял безрукого старика, завертелся, вздымая тучи песка, завыл могучее заклинание, которое не всякий колдун смеет произнести и уж, почитай, вовсе никто не отважится сказать днём перед глазами Дзара.

И всё же пришельцы опередили колдуна. Со страшным

плеском со дна вынырнуло с десяток облепленных тиной камней и даже огрузневший ствол топляка, занесённый весенним разливом. Невидимая праща метнула эту тяжесть в стоящих на берегу.

Бревно колдуны всё-таки сумели отбить, оно, наткнувшись на незримую скалу, переломилось и упало в пяти шагах от берега. А вот камни достигли цели. Трое воинов, и среди них несокрушимый Туна, упали с разбитыми головами.

Положение сразу сравнялось. Только что на берегу творилось избиение тупо лезущих согнутых, а теперь потери несли обе стороны.

Нападавшие быстро перераспределились, в магическом круге остались, считай, одни женщины, а все остальные вновь ринулись на глубину, штурмуя последний рубеж, отделявший их от вожделенного берега. Стрелы защитников и отбитые волхвами камни, падающие в волны, заставляли их торопиться.

Теперь стреляли все, кому было под силу натянуть хотя бы бекасиный лук. Таши быстро пускал стрелу за стрелой, не присматриваясь, но зная, что, почитай, любая из них находит цель.

– Мангасы! – раздался тревожный крик. – Там четверо мангасов!

Четыре пенистых следа двигались к берегу, заметно опередив прочих согнутых. Мангасы рвались на битву. Сейчас можно было рассмотреть лишь их головы, черневшие сре-

ди пены, но по тому, как быстро плыли нападающие, всякий понимал, какая страшная сила двинулась на него. Пожалуй, лишь один Туна мог бы выйти против мангаса врукопашную.

Таши бросил мгновенный взгляд в сторону и увидел, что Туна лежит в луже крови, разбросав навеки ослабевшие руки. С невнятным рычанием Таши ринулся к убитому, схватил богатырский лук. Уже по тяжести в руке можно было судить, что это настоящее оружие. Чудилось, мышцы рук лопнут, не выдержав упругого сопротивления дерева и рога. Массивная стрела с волнисто околотым кремневым наконечником рванулась с тетивы. Таши целил в голову крайнего мангаса, но в самый момент выстрела тот нырнул, и стрела безвредно плеснула по воде.

Трое других мангасов немедленно нырнули следом, и теперь их нельзя было достать. На секунду поток стрел почти прекратился, лучники выжидали, когда самый страшный противник появится вновь, чтобы тогда уже бить наверняка. Согнутые, пользуясь передышкой, быстро приближались к берегу.

Мангасы вынырнули из взбаламученной воды почти у самого берега. Глубина здесь была им едва по пояс. Разом свистнули десятки стрел, первое чудовище мгновенно стало похожим на какого-то невозможного ежа, так густо его утыкали стрелы. Не обращая внимания на раны, мангас одним прыжком вскочил на обрыв. Трое воинов встретили его копьями. Удары пришлись в момент прыжка, изострённые

наконечники вошли в живую плоть на всю глубину. Мангас взвыл, брызгая кровью, запустил дубиной, разбив голову одному из противников, но двое других с надрывным криком, словно дерево валили, сумели опрокинуть его с обрыва.

Трое оставшихся ублюдков в эту секунду уже появились на откосе, а за ними, взбадривая себя боевыми криками, спешила остальная орда.

На долю приотставших мангасов досталось куда меньше выстрелов, и хотя у одного людоеда обломок стрелы торчал прямо из окровавленной глазницы, но в битву он ринулся так же неукротимо, как и остальные. Как и настоящие согнутые, мангасы были вооружены дубинками и острыми камнями, которые они не умели даже насадить на древко, чтобы получить хоть какое-то подобие топора. Однако недостатки оружия согнутые восполняли тупой силой и неукротимостью, а мангасы, которых согнутые боялись и почитали как живых богов, так и вовсе были почти неуязвимы.

Таши не выстрелил вместе со всеми лучниками; он ждал своего мангаса, того, по которому промахнулся в первый раз. Мангас свечой вырвался из воды и тоже в один прыжок взлетел на обрыв, лишь мелькнуло в прыжке неестественно белое, молочного цвета тело. Режущий, даже не звериный, а просто ураганный визг рвался из разинутой пасти.

На этот раз Таши стрелял наверняка. Промахнуться в упор мог бы лишь трус, у которого дрожат руки. Яблоневая стрела, оснащённая ловко зазубренным кремнем, пропоро-

ла грудь, на целую пядь вонзившись в молочное тело. Таши уже понимал, что мангаса этим не остановишь и уж тем более бессмысленно пытаться убежать от обезумевшего чудовища. Таши кинул лук и, выхватив из-за обмоток ножной кинжал, что сам мастерил под присмотром Стакна, прыгнул навстречу несущейся гибели, чтобы уйти хотя бы из-под удара дубины.

Безрукий Ромар не зря учил подростков биться ногами и грудью. Все удары достигли цели: коленом Таши ударил мангаса в промежность, плечом в солнечное сплетение, а ножом, зажатым в левой руке – рука ведь никуда не делась! – ткнул в живот, надеясь поразить брызжейку и обездвижить противника. В следующее мгновение могучая лапа сгребла его и одним движением швырнула на землю. Вспыхнул и погас нестерпимо яркий огонь, мир исчез.

Потом, несколько дней спустя, Таши рассказывали, чем закончилась битва. Все четверо мангасов были убиты. Удар Таши достиг-таки становой жилы, и белокожий мангас так и не смог распрямиться. Его убивали долго, когда сражение уже закончилось, убивали, не смея приблизиться. Тяжёлыми топорами перебили конечности и лишь затем смогли раздробить голову, лишив врага жизни. Ещё один мангас был убит в честном бою. Уже серьёзно раненный и потерявший дубину, он сошёлся в поединке с Бойшей. Тяжёлый каменный жезл с одного удара расколол крепкий череп, разбрызгав по земле мозги. Последний из ублюдков, невысокий, но так раздав-

шийся вширь, что мог бы без труда задушить матёрого тура, долго метался по берегу, сокрушая своих и чужих воинов, пока тонкорукий Стакн не сумел приблизиться к нему сзади и бритвенно-острым топором перерубить шейные позвонки.

Но, даже потеряв мангасов, чужие не бросились в бегство. Орда выплеснула на берег, так что луки стали бесполезны и пришлось пустить в ход копья и топоры. Немереной звериной силой согнутые превосходили людей, но как бороться против их оружия, не знали. К тому же каждый из согнутых бился сам по себе, в то время как люди умели биться вдвоём и втроём, быстро расправляясь с нападавшими. Хотя, если бы не огромные потери при переправе и то, что большинство женщин осталось посреди реки, прикрывая плывущих тучей камней, исход битвы был бы по-прежнему неясен. Согнутые не желали отступать. Один за другим они падали, пробитые копьями. Топоры дробили им кости, широкие деревянные мечи с прозрачными накладками из тонкого обсидиана вспарывали животы, и кишки вываливались под ноги не успевшим ничего понять согнутым. К тому времени, когда женщины, разорвавшие на отмели магический круг и бросившиеся на помощь своим мужьям, полезли на обрыв, схватка наверху практически закончилась, и нападавших уже на самом обрыве встретили удары копий. Дубинки ничем не могли помочь против копья, бьющего сверху, второй приступ был отбит прежде, чем начался. Немногие уцелевшие, подвывая, кинулись спасать уже не род, а себя самих.

Вновь лучники пускали вдогонку стрелы, топя плывущих, и лишь окрик Бойши заставил их прийти в себя. В самом деле, незачем зря терять стрелы в реке, всё равно сейчас придётся плыть на тот берег, чтобы добить бежавших, не дав уйти никому.

Таши к тому времени уже очнулся, и хотя в голове качался кровавый туман, а рот был полон крови и рвотной горечи, но, услышав приказ вождя, юноша подхватил оброненное кем-то копьё и бросился в реку. Большую часть пути Таши проплыл под водой, лишь изредка выныривая, чтобы глотнуть воздуха. Умение плавать под водой обязательно для воина. Иначе утонешь в самом мирном месте: тебя утащит на дно твоё же собственное копьё и боло, привязанное к поясу наподобие грузила. К тому же так плыть безопаснее, ежели по тебе стреляют с того берега. Есть и иной способ переплывать реки, держа одну руку над водой, чтобы не замочить лук; тетива боится сырости.

Рядом с Таши плыл Ромар. Сейчас он напоминал огромную рыбу, сома, вздумавшего всплыть на поверхность. В зубах Ромар сжимал надутый овечий желудок, позволявший держать голову над водой. Плыть, как плавают воины, Ромар не мог – для этого нужна хотя бы одна рука.

Отряд достиг берега, когда бегущие были ещё хорошо видны. Согнутые никогда не умели как следует бегать, к тому же среди них оставались почти одни женщины, большинство с маленькими детьми. Многое можно сказать про согнутых,

но детей они не бросали никогда.

Луков у преследователей не было, поэтому бегущих пришлось загонять, наподобие того как стая волков загоняет табун длинногривых лошадей. Таши бежал вместе со всеми, размахивая копьём, орал нечленораздельно, но где-то краем сознания отмечал, как ловко командует людьми быстроногий Тейко, возглавивший погоню. Отставших согнутых убивали не останавливаясь, зная, что, даже если удар был неточен, истекающему кровью человеку не выжить в степи. Рассыпавшись полукругом, охотники не давали согнутым разбежаться в разные стороны и постепенно сгоняли обратно к берегу. Здесь, неподалёку от воды, разыгралось последнее действие битвы. Полтора десятка дрожащих женщин, давно потерявших оружие и возможность драться, и кучка цепляющихся за них малышей были прижаты к воде. Охотники уже подняли копья, когда раздался крик подоспевшего к месту расправы Ромара.

– Детей оставьте! – кричал Ромар. – Я буду их смотреть!

Тейко кивнул, соглашаясь, и удобнее перехватил боевой топор из полированного чёрного диабаза. Через минуту последняя из женщин убитой свалилась в воду, а визжащих и царапающихся детей стащили в одну кучу.

В этой схватке Таши не участвовал. В последнюю минуту он заметил среди обречённых женщин одну слишком стройную, чтобы принадлежать к проклятому роду согнутых. И хотя Таши знал, что настоящие люди, выросшие в орде чу-

жих, сами становятся чужими, он не смог поднять копья.

Ромар шаркающей походкой подошёл к согнанным детям. Первым он показал на большеголового младенца, которого Таши во время погони успел заметить на руках у человеческой женщины. С виду младенец ничем не отличался от всех остальных, но всё же Ромар уверенно произнёс страшное слово: «Мангас!»

Этого не ожидал никто. Толпа вооруженных мужчин невольно попятилась, отступая от лежащего на камнях младенца, которому, вероятно, не было и полугода. Люди понимали, что раз мангасы рождаются, то, значит, бывают и детьми, но всё-таки это не вмещалось в голову. Однако приговор был произнесён, и никто не осмелился бы оспорить слово Ромара. Да никто и не собирался этого делать; если бы не старик, все дети давно бы лежали в общей кровавой куче.

Тейко поднял двумя руками топор и с силой опустил. И хотя первый же удар едва не размазал тщедушное тельце по камню, Тейко ударил ещё несколько раз, чтобы скрыть собственный страх, опасаясь, что убитый младенец вдруг поднимется на кривые ножки и прыгнет ему в лицо.

Одного за другим охотники поднимали детей, неотличимо похожих на своих собственных, каждый раз Ромар произносил: «Чужой» – и ещё один труп летел в сторону. Лишь однажды Ромар остановился и, наклонившись к девочке лет трёх, проговорил:

– Отдайте её Линге. Это её дочь.

Наступила тишина. Все знали, что дочь Линги пропала больше года назад, скорее всего была украдена согнутыми. Никто уже не надеялся увидеть её живой. Да и сейчас охотники не знали, как быть, можно ли принять обратно в свой род ребёнка, жившего среди чужих.

– Это дочь Линги, – повторил Ромар. – Она ещё слишком мала, она всё забудет и вырастет человеком. Отдайте её матери.

С тех пор как пропала девочка, у Линги больше не было детей. Линга часами возилась с чужими малышами, но в глазах у неё плескалась неизбывная тоска. И потому никто из охотников не осмелился возразить. Кто-то взял девочку на руки и вынес из кровавого круга.

Вскоре на камнях оставался лишь один живой ребёнок. Ромар уже несколько раз подходил к нему, но, так и не приняв решения, переходил дальше. И вот теперь решение надо было принимать. Ещё одна девочка, на этот раз годовалая, лежала на спине и сучила в воздухе ножками. У неё были неожиданно длинные для младенца чёрные волосы, и всё тело словно покрыто тёмным пушком. Она заметно отличалась от остальных, и ни у кого из охотников не было и тени сомнения, что это чужой. Боялись и ждали только слова: «Мангас». И однако Ромар медлил. Он присел на корточки возле ребёнка и долго рассматривал его, нервно дёргая изуродованным плечом. Наконец произнёс:

– Это свой.

– Как?.. – Тейко, уже поднявший топор, не мог поверить сказанному. – Даже я вижу, что это чужой!

– А я вижу, что она из настоящих людей. Я в этом уверен. Я надеялся найти здесь кого-нибудь из её рода, и я нашел. Она из тех же людей, что и отец Таши. Она своя, её нельзя трогать. Отнесите её в селение.

Никто не двинулся с места, и тогда Таши, чувствуя спиной ненавидящие взгляды мужчин, подошёл, поднял девочку и прижал к груди.

– Мангас!.. – беззвучно процедил Тейко, хотя Таши всё равно расслышал слово, звучавшее как плевок и проклятие.

– Уходим, – приказал Ромар. – Здесь нечего делать, рода согнутых больше нет. Они напрасно надеялись на своих мангасов. Но хотел бы я знать, что заставило их лезть на наши копья? Неужели простая засуха?

И степь услужливо принесла ответ на не вовремя заданный вопрос.

Воины уже шли по воде, готовясь плыть на тот берег, когда Ромар, верный привычке оглядываться напоследок, тревожно вскрикнул. Нечеловечески зоркие глаза старика заметили в выжженной степи какое-то движение. Словно сама степь сдвинулась вдруг, пошла морщинами, – жёлтое на жёлтом, незримая дрожь, мерцающий вал, хлынувший с далёких солончаков, чтобы разбиться о берега Великой реки.

Через минуту движение было заметно всем, хотя никто не мог сказать, несётся ли это стадо зверей, или же повелитель

ветров козлоголовый Хоров выпустил порезвиться одного из своих страшных сыновей. Людей там, во всяком случае, быть не могло: слишком быстро надвигался пыльный вал.

Тейко отдал короткую команду, воины рассыпались загонной цепью, пригнувшись пошли навстречу неведомому движению.

– Не отходите далеко от реки! – крикнул вслед Ромар.

Таши шёл вместе со всеми. Неважно, что он до сих пор не может называться взрослым, сегодня ему пришлось сражаться наравне со всеми, и он остался жив, а белый мангас валяется на том берегу. Не отступит он и перед новой опасностью. То, что впереди опасность, Таши не сомневался, – неведомое всегда опасно. Правда, сейчас на руках у него была крошечная черноголовая девчушка, которая, сразу признав Таши за своего, цепко держалась за его шею, но всё же сковывала левую руку. Воин, подобравший дочь Линги, не стал поворачивать обратно и сейчас уже был на середине реки.

«Мне бы тоже надо уходить», – мельком подумал Таши, но вместо того запихал девчонку под рубаху и заново перепоясался, чтобы ребёнок случайно не выпал.

Как всегда, первым понял, в чём дело, Ромар.

– Назад! – закричал он. – В воду!

Охотники остановились, попятились, не зная, какой приказ выполнять. И эта недолгая заминка погубила многих из них. То, что двигалось из степи, на секунду пропало из глаз,

скрытое пологой ложбиной, и затем показалось совсем близко, так что бежать уже не имело смысла.

Ничего подобного людям ещё не доводилось встречать. Из пересохших степных пространств, резко вздёргивая сухие мозолистые ноги, непредставимо быстро бежали птицы. Хотя мало кто осмелился бы назвать птицами этих страшилищ. Взрослый человек не мог бы достать им не то что до шеи, но и до гузки. Птицы мчались вперед: шеи вытянуты, нелепо раззявлены кривые клювы длиной куда побольше локтя, бесполезные крылышки раскинуты в стороны, словно великанские птицы собрались взлететь и лишь не могут разогнаться как следует. Слитный топот сотрясал землю.

И лишь потом изумлённые люди заметили ещё одну страшную и нелепую подробность. На спине у каждой птицы, обхватив одной рукой бревно шеи, сидел крошечный человечек. Пронзительное курлыканье птиц сливалось с воинственными криками всадников.

Даже будь у охотников луки, они не смогли бы остановить несущуюся лавину. Среди людей началась паника. Кто-то вскинул копьё, готовясь защищаться, кто-то бросился к реке. Передняя птица поравнялась с одним из охотников. Тот ударил копьем в нависший над ним распахнутый клюв, прямо под заострённый язык. Клюв сухо щелкнул, копье переломилось. Не останавливая движения, птица ударила сомкнутым клювом и, вздёрнув в поднебесье залитую чужой кровью голову, помчалась дальше.

Таши кинул бесполезное копьё и, сорвав с пояса боло, мгновенно раскрутил и метнул его. Бросок оказался удачен. Ремень захлестнул чудовищную ногу, но камни, не причинив вреда, стукнули о грубую чешую. Таши что есть сил рванул ремень, стараясь опрокинуть заарканенную птицу, но та, даже не почувствовав усилий человека, резким движением вырвала ремень из рук Таши. Таши упал на бок, едва не придавив пискнувшую девчонку. На мгновение над ним мелькнули пышные, кудрявящиеся на концах перья и знакомая, заросшая клочковатой бородой мордочка всадника. Всадник, перегнувшись, ткнул пикой, стараясь достать Таши, но юноша рывком уклонился от удара, вскочил и, петляя, бросился к воде. Рядом бежали другие охотники. Птицы настигали их, тратя на каждого не более одного удара. Клокочущий визг карликов победно разносился окрест.

В воду птицы не пошли, и те из людей, кто достиг реки, оказались спасены. Спешившиеся карлики прыгали на берегу, грозили пиками, издевательски вопили и швыряли вслед плывущим камни. Птицы поспешно, словно их подгонял невидимый хлыст, расклёвывали тела убитых: людей и согнутых.

Таши плыл, загребая одной рукой, другой придерживая над водой головку девочки. В груди плескалась бессильная ярость, и даже холодная вода не могла остудить её.

«Карлика надо было сбивать, а не птицу, – укорял он себя, – или попытаться захлестнуть ей обе ноги разом. Если

бы ремень выдержал, тогда и птица упала бы… Но главное – карлика достать… жаль не удалось… И всё-таки их лазутчика я застрелил, так что на наш берег они не сунутся».

Великая река течёт плавно и сильно. Таши, оберегая ребёнка, не мог плыть как следует, течение тащило его мимо обрывистого мыса, где пытались высадиться согнутые, мимо заросшей с камышами косы, где был подстрелен лазутчик. Таши плыл, прижимая к себе девочку, терпеливо сносившую передряги последних часов, и старался не думать, сколько мёртвых тел колышется сейчас у самого дна на радость сомам и мелкой уклейке, что первой обсасывает утопленников.

На правом берегу сородичи занимались не слишком весёлой, но необходимой работой. Стаскивали убитых согнутых, чтобы сжечь тела, а потом закопать обугленные кости. Кто остался в реке, с теми вода разберётся сама – это её доля. А погибших на землях рода надо зарыть – нечего зря плодить стонущих духов. Мангасы лежали отдельно, их предназначили в жертву камням – так будет спокойнее.

Пока Ромар и чудом спасшийся Тейко рассказывали вождю о новой напасти, объявившейся на том берегу, Таши подошёл к лежащим на земле мангасам. Теперь он мог рассмотреть их как следует.

Все четверо были очень разными. Это только в сказках мангас всегда великан, на самом деле он страшен не столько силой, сколько неустрашимой жестокостью, презрением к боли и смерти и полным безразличием ко всему на свете.

Природа лишила мангасов способности продлить свой род, и они мстили природе, вымещая своё убожество на всяком живом существе, до которого могли дотянуться. Во всём мире одни только согнутые терпели и даже боготворили мангасов, хотя и страдали от них более всего. Никто не мог знать за верное, но рассказывали, что когда охота у согнутых бывала неудачна, то мангас убивал первого попавшегося сородича и жрал его на глазах у остальных. При взгляде на убитых уродов в это легко верилось.

Белого мангаса Таши разглядывал особенно долго. Не хотелось верить, но это бесполое существо было ближе к женщине, чем к мужчине. Круглая голова со стёртыми, ничего не выражающими чертами лица, безволосое, отвергающее загар тело, грудь широкая и плоская, как лощильная доска, бугры мышц на изломанных топором руках. Но когда Таши опустил взгляд на то место, куда пришёлся удар его ноги, он увидел, что чудовищное существо всё-таки было женщиной.

«На мангаске женись!» – вспомнил Таши, и его затрясло от страха, отвращения и ненависти к себе самому.

– Таши! – раздался крик. Вождь звал его к себе, чтобы выслушать рассказ о случившемся на том берегу.

Победители возвращались домой. Шли споро, ибо никакой добычи у согнутых взять было нельзя. Обрывки плохо обработанных шкур и каменные рубила – к чему они? Главным в походе была победа, а ношей – свои товарищи, ране-

ные и убитые. За полтысячи согнутых род отдал семь десятков воинов, и ещё несколько человек были серьезно ранены, так что их пришлось нести. Почти половина погибших нашла смерть на том берегу, и это омрачало радость. Ведь карлики не понесли никакого урона, остановила их только вода. Стоит ли радоваться гибели согнутых, если на их место пришёл столь опасный враг?

Таши шёл вместе со всеми, неся на руках уже двоих детей. Воин, переправивший через реку дочь Линги, остался складывать костры для чужаков, и как-то само получилось, что вторая малышка тоже осталась у Таши. Кроме того, за плечом у Таши висел огромный лук, прежде принадлежавший Туне. Когда Таши принёс лук вождю, тот слепо посмотрел на оружие брата и тихо произнёс:

– Возьми себе. Я видел, как ты стрелял. Только не размахивай им прежде времени.

Топор и птичье копьецо Таши тоже сохранил. А вот боло пропало, осталось намотанным на страшную лапу пернатого чудовища. Хорошо хоть сам жив остался.

Таши шёл и в тысячный раз представлял подробности кровавой схватки, случившейся на берегу. Хотя какая это схватка – чистый разгром. Налетели враги, как дрозды на рябину, в минуту всех поклевали и дальше понеслись. Копьём такую птицу не остановишь, разве что бревно ставить вместо ратовища. Луки бы были с собой… хотя что луки?.. Таши вспомнил плотные, внахлёст лежащие перья, по которым

бесследно скользят наконечники копий, и понял, что никакой лук эту броню не пробьёт. Ничем птицу не взять. В одном лишь загадка: почему неуязвимые птицы позволяют чужинцам влезать себе на спину, зачем воюют за них? Надо бы Ромара спросить, не знает ли он такого колдовства. И конечно, в бою следовало сшибать чужинца. Хотя что бы это изменило? Птица всё равно осталась бы. Да ещё не больно-то достанешь карлика, он за своим скакуном, как за деревом, прячется… И всё-таки что-то надо придумать. Река рекой, но признавать, что какие-то уроды оказались сильнее людей, нельзя.

Другие мужчины тоже были озабочены случившимся. До Таши долетали обрывки разговоров:

– За городьбой укрыться и бить из луков в глаз. В глазу всегда слабина.

– Так она и будет у городьбы стоять и глаз тебе подставлять, на, мол, стрельни…

– …Экие громады, какие у них яйца должны быть. Я бы попировал.

– А вот ямы ловчие на узких местах нарыть. Это же гадина тяжёлая, ногу переломит – уже не подымется.

– С мангасами бы их стравить…

– Они и без тебя схлестнулись. Думаешь, от кого согнутые на наш берег дёру дать хотели?

– И всё-таки хорошо, что у нас река. Не достанут.

– А хоть бы и не было реки, что они с нами смогут сделать?

Городьбу на птице не пересигнёшь.

– И ты весь век за забором не просидишь. Спасибо предкам, что река течёт.

Вновь разговоры возвращались к лукам или возможности опрокинуть птицу, захлестнув ей обе ноги, или накинуть на неё рыболовную сеть.

Таши подошел к одиноко бредущему Ромару. Спросил:

– Всё-таки кто они такие? Как птиц смогли приручить? Если бы не птицы, мы бы их походя в порошок перетёрли…

Старик поднял голову, тихо ответил:

– Не знаю. Серьёзного колдовства я в них не заметил – так, сущие пустяки. Птицы тоже обычные – вроде дрофы, только громадные. Так что драться с ними не мне, а вам. А кто они такие?.. Про диатритов слыхал?

– Слыхал… – протянул Таши. – Но ведь диатриты – это оборотни, люди-птицы. Крылья у них вместо рук. И потом, их же в древние времена богатырь Параль перестрелял всех до единого. И гнезда сжёг.

– Это в сказке. А сказка, мой милый, только наполовину правдой бывает, потому она и сказка. Многое в ней додумано, многое позабыто. Но кое-что не грех и на ус намотать.

Таши вопросительно вскинул глаза. Ромар перехватил его взгляд, усмехнулся и пояснил:

– Сам видишь, птицу-диатриму ни копьём, ни стрелой, ни боевым топором не взять. А богатырь Параль тебе выход подсказывает: где-то у птицы гнездо есть, а в нём – голые

птенчики. Туда и бить надо, если дотянуться сможешь. – Ромар прищурился, глядя вперёд, и добавил, не меняя выражения: – Ну да это потом, а сейчас тебя, никак, ищут. Давай, иди.

Навстречу им от городища бежала женщина. Через минуту Таши смог разглядеть, что это Линга. Кто-то из ушедших вперд парней принёс в селение новости, и Линга, услышав, что нашлась её дочь, побежала навстречу отряду. Другие женщины остались в селении, они ждали воинов, и обычай велел им хранить спокойствие, даже если уже пришла тяжкая весть. И они стояли в общей толпе, продолжая на что-то надеяться. А Линге, которой некого ожидать, дозволено встретить войско на полпути.

Запыхавшись, Линга подлетела к Таши, выхватила у него из рук обеих девочек, прижала к груди…

– Спасибо, спасибо… – твердила она, не глядя на Таши.

Опустившись на землю, Линга выудила из сумки долблёнку с козьим молоком, пристроила на горлышко соску из рыбьего пузыря, сунула младшей девочке, быстро нажевала кусок ячменной лепёшки, замесила в ладони тюрьку с тем же молоком, принялась прямо из ладони кормить старшую, и всё это смеясь и плача одновременно, и успевая свободной рукой гладить то одну, то другую девочку, и выбирать из детских головёнок насекомых, и делать ещё что-то.

С минуту Таши стоял рядом, молча глядя на смешную картину счастья, потом пошёл догонять ушедших вперёд

мужчин. За детишек можно больше не опасаться, они пристроены надёжно.

Почему-то Таши было грустно.

Лето вершилось странное, исполненное мрачных знамений и скверных примет, хотя в жизни недоброе случалось не чаще, чем в обычный год. Речные божушки упорно не желали видеть людей, замечать их жертвы и приветственные заклятья. Но рыба ловилась на диво, обезумело бросаясь на любую приманку, наполняя бредни и мрежи. Муха, впрочем, говорил, что волшебство тут ни при чём, ни своё, ни странных существ, а просто река обмелела, как ни в какую засуху не бывает, вот рыба и мечется.

Вода и впрямь стояла низко. Сухой остров раздался вширь чуть не на полреки, и даже в омутах вода заметно спала; старые ивы стояли теперь отдельно от воды, впервые за свою неизмеренную жизнь обсушив корни. Дождей не случалось, хотя тучи, бывало, проходили в поднебесье, и солнце палило не то чтобы слишком, а как и полагается в это время года.

Охотники тоже не оставались без дела, хотя жертвенный дым стлался по земле, а идолы звериных хозяев недовольно кривили измазанные салом губы. Но как ни криви лик, а звери с того берега шли ходом, переплывая обмелевшую реку. Шли не только туры, лошади и горбоносые сайгаки, но и куланы, онагры и тонконогие джейраны, которые обычно

в эти края не забредали. Каждый день сторожевые отряды возвращались с добычей, и мясо люди ели словно осенью.

Случалось, шли через реку и люди. Несколько раз дозорные замечали разрозненные группы согнутых. Их подпускали ближе и расстреливали из луков, не дозволяя коснуться берега. Однажды на том берегу появились и настоящие люди. Было их чуть больше десятка, и потому Муха, заметивший пришельцев, попытался заговорить с ними, но незнакомцы ответили камнями из пращи и скрылись в кустах. Камни упали в воду, не долетев и речного стрежня, однако и этого было достаточно. Незваных гостей выследили, когда они пытались пересечь реку в другом месте, привычно подпустили на выстрел и, уже не пытаясь разговаривать, отправили их всех к придонным мавкам.

В селении тоже продолжалась жизнь. Помалу, женской да детской силой, убрали и свезли хлеб, тем паче, что урожай был невелик и большой тяготы не приключилось.

Последний сноп – праздник, какие в году не часто бывают. Сноп нарядно украсили и с песнями таскали по полям, кланялись ожнивкам, оставленным, по обычаю, волотку на бородку, полевику на поиграние. Вечером жгли костры.

Первый костёр Матхи подпалил священным тёртым огнём. Огонь вытирали парни, не луком, не колком, а целой жердиной. Вращали бешеным хороводом, покуда не затлел алым углём вставленный в липовую колоду комель. Огонь, щедро сдобренный соломой, взметнулся чуть не выше пере-

лесков, окружавших поле. Стадо, выгнанное на жнивь, шарахнулось в сторону; пламя, безумно змеясь, отражалось в жёлтых козьих глазах.

У малого костра бил в бубен Матхи, Ромар заклинал потрудившееся поле бесконечной песней: долго тянул каждое слово, покуда воздуха хватало в калеченой груди, и вдруг вскрикивал отчаянно и звонко. Иных стариков в эту ночь в поле нет, семейный люд сейчас пиво ставит с нового урожая, затирает на кислом молоке дежень, женщины пекут замешанный на меду пряник. Общий праздник будет завтра, а сеночь бесится молодёжь, которая и без пива пьяна.

Великий костер трещал посредь поля на самой горушке. Валки соломы светились изнутри золотым жаром, оседали, рассыпались чёрными нитками пепла, огненные смерчики кружили созвездья искр. Жар от костра шёл нестерпимый, и храбрецы, наметившие первыми скакнуть через огонь, отбегали, прикрывая растопыренной ладонью ошпаренное лицо.

Эту песню мы хлебу поём,
Так поём, хлебу честь воздаём!

Девичья запевка приглушила унывную жалобу Ромара. Девчонки по одной набегали к пламени, издали бросали венки, свитые из ячной соломы, кисти рябины да калины: в награду полевикам, соломенным дедам – кормильцам, добрым охранителям. Завтра старшие на поле выйдут, кропить

межу пивом, сваренным с первого снопа. Это будет настоящая жертва, а тут просто игра, чтобы девушки прежде времени от огня не бежали. Вот когда парни через костёр сигать начнут – тогда иное дело. А пока – пойте и дарите хлебным божкам вязки рябиновых бус.

Костёр еще пылал в полную силу, окружённый нерассыпавшимся валом жаркого соломенного праха, когда Тейко рванул вперёд, словно метнув себя из пращи, и одним невероятным прыжком пролетел через огненный столб. Он приземлился в тлеющую труху по ту сторону костра и тут же выпрыгнул из пламени, прежде чем оно успело опалить его. Круто развернувшись, Тейко выхватил из огня занявшуюся с одного конца ветку, с торжествующим воплем взмахнул ею в воздухе и с выжидающей улыбкой шагнул туда, где плотной кучкой стояли девушки. Те с визгом кинулись в разные стороны. Ещё бы не бежать, когда у парня в руках дымится головня. Догонит, мазнёт по волосам – и всё, теперь ты меченая невеста, палёная коса. И захочешь, а на смотринах догнавшему отказать нельзя. А то, бывает, разыграется парень и начнёт метить головешкой всех подряд. Что тогда? Хорошо, коли разом у многих в руках огонь, тогда можно и поддаться, позволить избраннику подпалить волос, а потом вздыхать притворно: судьба, мол, не убереглась в сумятице… Но сейчас – иное дело, другие женихи и близко к огню шагнуть не смеют, а этот уже головню добыл.

Кто-то из девушек бросился спасаться к темнеющему под

горушкой стаду: не так-то просто преследователю прорваться сквозь плотно прижатые бока овец, преимущество в быстроте мигом сойдёт на нет, да и спрятаться в стаде проще простого – натянешь на голову овчинную телогрею, пригнёшься пониже – вот и нет тебя, растаяла девка в ночи, растворилась меж бараньих шуб.

Но всё же большинство девчонок понеслись к темнеющей за полем роще. Попробуй, поймай бегунью меж стройных стволов, да ещё огонь сбереги, а то получится, что зря бегал, только лоб ветками исхлестал, а суженой не словил. Тоже кто захочет – спасётся, разве что очень уж быстроногий парень положит на тебя глаз. Но тогда, значит, и впрямь – судьба. Зато в лесу хорониться куда как веселей.

Тейко свистнул и припустил за бегущими.

– Горим!.. – молодечески крикнул Ташин одногодок Малон и тоже метнулся сквозь костёр. Разом перепрыгнуть ему не довелось, и Малон выскочил из огня палёный, словно боров, после того как освежуют его охотники. Крякнув с досады, прыгун сунулся было за головнёй, отскочил, отогнанный жаром, но потом достал-таки огня и тоже помчал к лесу.

– Горим! Горим!.. – один за другим парни прыгали через пламя и, размахивая факелами, бежали искать кто единственную, заранее высмотренную зазнобу, а кто и просто куда глаза глядят, задыхаясь от радости и сладкого предчувствия нечаянной встречи в потайной глуби леса. Заметить метнувшуюся тень, облапить, что медведь охотника, ощу-

тить, как рвётся из рук тонкое девичье тело, а потом потребовать непреклонно: «Целуй, тогда пущу!» – и ждать, когда пленница приподымется на цыпочки и чмокнет в щёку, а то и прямо в губы. Неважно, что порой наутро сам не знаешь, с кем целовался в лесу. Дожинки раз в году бывают, в эту ночь многое позволено.

Случалось, возня да поцелуи доводили милующиеся парочки до нечаянного греха. Хорошо, если с суженым – меж собой как-нибудь разберутся. А если вовсе не знаешь, с кем свёл случай на лесной мураве? Тогда – беда. Одно спасение – после свадьбы молодой муж помалкивать будет, что невеста оказалась траченая. А то люди спросят: сам-то где был в ту ночь? Куда смотрел? За кем по лесу гонял?

Ну а чтобы силком девку взять – такого не водилось. Сбежится народ на крик – насмерть насильника потопчет.

Таши стоял поодаль от костра, глядел в сторону, старался не слышать хохота, криков, визга. Не для него праздник, его жизнь заранее другими решена. И хотя никто не возбранял быть вместе со всеми, но любой знает, что ему в горелки играть не следует.

И вдруг Таши зримо представил, как Тейко, злорадно хохоча, гонится по лесу за Уникой, как тычет тлеющим углем в распущенные волосы, как ловит Унику, хватает за плечи и требует поцелуя. Таши гневно зарычал и, не помня себя, ринулся в лес. Он бежал напролом сквозь кусты, меж призрачных стволов, не глядя перепрыгивал кочки и упавшие попе-

рёк пути валежины. Он не слышал смеха, ауканья, топота бегущих ног – всё это было не важно и ничуть не затрагивало напряженных чувств. Он знал лишь одно – Уника там, и он бежит к ней, торопясь и никуда не сворачивая. Таши не мог сказать, откуда пришла такая уверенность: слышит ли он стук её сердца, или, словно охотничий пёс, идёт по запаху, или же просто перед ним распахнулся мир летучих духов и ведёт к цели самой прямой из дорог. Таши некогда было думать об этом. Он бежал. Должно быть, так ощущает мир разгневанный мангас. В эту минуту Таши и был мангасом, готовым преступить любой закон.

А потом наваждение кончилось, и Таши обнаружил, что стоит где-то в самой глубине рощи, ауканье и задорные перепевки едва доносятся издалека, а рядом слышны приглушённые всхлипывания и какой-то совсем тихий, но резкий, свистящий звук. Мгновение Таши не мог понять, что бы это могло быть, и лишь потом сообразил, что так свистит костяной гребень, когда хозяйка резко и зло, не жалея выдранных прядей, расчёсывает волосы.

Таши присел на корточки, вслепую протянув руку, коснулся плеча Уники.

– Это я, – неуверенно произнёс он.

Наступила долгая и такая пронзительная тишина, что песня, которую завели стягивающиеся к опавшему костру девушки, лишь глубже подчеркивала её:

Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я сам себя.
Сам себя убью, во сыру землю уйду…

Почему девчата в невестину ночь распевают мальчишечье горе, того не скажет и старый Ромар. Так от предков заведено.

Таши осторожно гладил распущенные волосы. Ночь стояла тёплая и сухая, убивающая всякий аромат, но все же Таши учуял чуть слышный запах горелого волоса. Вот почему Уника со слезами драла косу, вычесывая палёные колечки.

– Это Тейко? – не шевельнув губами, спросил Таши.

Уника не ответила, но плечо её под рукой Таши дрогнуло, и Таши понял, что она кивнула головой.

Секунда прошла в трудном молчании, потом Уника произнесла бесцветным голосом, каким сообщают обыденные вещи:

– Всё равно я не пойду за него, пусть хоть всю голову мне спалит. Я лучше сама волосы сожгу, к лесным старухам подамся, злой йогой стану, а за него не пойду. Думать о нём тошно, уж лучше в реку…

– Ну что ты, зачем? – Таши упал на колени, притянул девушку к себе. – Не уходи, я тебя никому не отдам, никому на свете!

Он ласкал волосы, плечи, целовал мокрые, солёные от недавних слёз глаза, Уника вздрагивала от неловких прикос-

новений, но не отстранялась, а прижималась к Таши ещё крепче…

Старый седой зубр, хозяин рощи, давным-давно заповеданный от всякого охотника, бесшумно вышел из зарослей молодых рябин, остановился, втянул ноздрями воздух, благосклонно кивнул, прислушиваясь к стону, полному боли и любви, и надолго замер, словно страж, не позволяющий приблизиться никакой скверне и злу. Потом он отступил на шаг и неуловимо канул во тьме.

– Уника, Уника… – непрерывно твердил Таши, – родная моя, любимая…

– Что, мой хороший?

Таши тихо рассмеялся:

– Уника, ты понимаешь, ведь я человек! Я настоящий мужчина! Я так боялся, что окажусь мангасом…

– Почему, глупенький? Спросил бы меня. Я это знала с самого начала, всегда.

– Уника, милая, мы теперь на всю жизнь вместе! Так и останусь с тобой навсегда, рук не разожму.

– Конечно, навсегда…

Спасибо Матери-Земле, что ночь темна. Спасибо предкам, научившим забывать, что когда-нибудь всё равно настанет утро.

Глава 2

Никто не знал, сколько лет безрукому Ромару. Даже сам Ромар не знал – сбился давно. Что их считать, годы, – дела считать надо. А дел за долгую жизнь переделано было множество. Именно – переделано, хотя это трудно представить, глядя на безрукого. Когда-то в бездонном прошлом Ромар был молод, силён и удачлив на охоте. Кто знает, возможно, когда-нибудь могла ему достаться нефритовая дубинка вождя, и Ромар держал бы её с честью, но этого не позволил белобородый Рута – шаман, обучавшийся тайному искусству у самого Сварга. Он открыл в Ромаре редкий дар, не всякому кудеснику доступный: делать обереги и амулеты, гадальные кости и иные чудесные вещицы. Кое-что из сотворённых Ромаром сокровищ до сих пор хранится в роду, хотя сила у них уже не та, что прежде. Но в те времена дивным мастером был Ромар, и если бы умереть ему в ту пору, то в песнях имя его осталось бы среди искусников. Но рок судил иначе: не довелось дряхлому Руте передать звонкий бубен Ромару. Случилась большая война с трупоедами.

Трупоеды были жалким народом. Даже согнутые рядом с ними выглядели достойно. Инструмент у трупоедов был самый никудышный, язык невнятный, огня они не знали и вообще мало отличались от обычного зверья. Кормились трупоеды вдоль реки на отмелях, промышляя улитками, чер-

вями, ракушками-беззубками и прочей малосъедобной дрянью. Порой им удавалось выловить снулую белугу или тушку утонувшего зверя – тогда они устраивали пиршество, не брезгуя даже самой вонючей тухлятиной. Бойцами трупоеды были никудышными и давно уже исчезли бы с лица земли, если бы не владели могучей и опасной магией, позволявшей им уцелеть. Ни один хищный зверь никогда не нападал на трупоедов. Ни пятнистый леопард, ни собаки, ни жёлтый степной волк, ни тигр, тропивший следы в камышах, ни даже гиены, что набегали порой с юга, оспаривая у трупоедов их смрадную добычу. Как достигали этого жалкие полулюди – не знал никто. Трупоеды не читали заклинаний, не имели амулетов, но могли не только отогнать всякого хищника, но и заставить его сражаться за себя. Война с трупоедами превратилась в ряд непрерывных стычек со стаями волков и шакалов, битвы с тиграми и иными клыкастыми защитниками полулюдей. И всё же трупоеды не сумели удержаться на берегах Великой реки, откатились в леса, а люди погнались за ними. С одним из отрядов преследователей шёл и мудрый Рута со своим учеником.

Уничтожить трупоедов полностью не удалось. Лес встретил незваных гостей угрюмыми ельниками, зыбкими трясинами в окружении непролазного ивняка, сырыми распадками, заросшими серой ольхой, полузасохшей и липкой, словно кто-то старательно плевал на изъеденные тлёй листья. Лес молчал, вернее, говорил непонятно, слитно шумел, перекли-

кался чужими голосами, взрывался скрежетом сороки, выдавая охотника, и незаметно подпускал к чужаку врагов. Кажется, лес, помнивший рогатого Лара несмышлёным сосунком, твёрдо решил сохранить всех и не дать усилиться никому. Значит, слишком возомнивших о себе людей надо проучить.

Ночами вокруг стоянок поднимался шум: трещали ветки, кто-то визжал и хохотал. Охотники стреляли наугад во тьму, но никого подбить не удавалось. И почти каждое утро кого-нибудь из воинов находили мёртвым, с разорванной шеей и изумлённо вытаращенными глазами. Тогда дети зубра ещё не знали о большеглазых карликах – не людях, но и не зверях, злобных порождениях ночи, пьющих чужую кровь. Как обошлись карлики с трупоедами, кто из них победил в неизбежных столкновениях, так и осталось тайной. Во всяком случае, когда люди бежали из северных чащоб, трупоеды были ещё живы и давали о себе знать прежними колдовскими способами.

Трудно сказать, как им удалось захомутать рузарха – самого редкого и страшного обитателя лесов, но однажды, когда охотники разжигали костры на выбранной для ночёвки поляне, а Рута обводил лагерь кругом, который должен был уберечь спящих от кровожадных карликов и бесприютных духов, в мирный час отдыха из чащи выломился никем прежде не виданный хищник. Был он ростом с доброго мамонта и так же волосат, повадками напоминал чудовищную гиену и

кабана разом. Ноги его, уродливо несоразмерные: передние вдвое больше задних – оканчивались тупыми раздвоенными копытами. Тяжёлая морда со скошенным черепом состояла, кажется, из одной пасти. Для такого зверя в мире не могло быть противника. Единственными его врагами были бездушные стихии и голод. Необъятную тушу было невозможно прокормить, и потому ужас лесов встречался людям все реже и реже. Зимой рузарх шастал по тайге, громил медвежьи берлоги, летом откочёвывал в тундростепь, преследуя рыжих мамонтов. Жрал всё – живое мясо, падаль, тухлятину. Не брезговал отнимать у волков их добычу, а если серые не желали уступать, то рузарх жрал и волков тоже. На людей рузарх специально не охотился, мелковаты казались ему люди и к тому же редко встречались в чащобах. Но сейчас, ведомый древним чародейством, рузарх пёр напролом, словно вовек ничего слаще человечины не пробовал.

Сопротивляться рузарху оказалось делом бессмысленным. Стрелы повисали, запутавшись в неимоверно густой шерсти, копья не могли причинить зверю вреда, а удары топоров рузарх как бы и вовсе не чувствовал. Спасение оставалось только в бегстве, но люди уже знали, чем оборачивается бегство в сгущающиеся сумерки таёжного леса. Ночные убийцы зорко следили за отрядом и немедленно довершили бы разгром.

И тогда против рузарха вышел Ромар. Один. Безоружный.

– На, подавись! – крикнул он и швырнул в саженную пасть

зелёный кулич – плотный ком, хитро сплетённый из мягкой болотной травки.

Отскочить Ромар не успел. Одним мгновенным движением рузарх скусил ему руку, легко, словно это была не рука из мышц и костей, а нежный весенний проросток рогоза. В следующую секунду талисман подействовал, но спасти Ромара он уже не мог.

Рузарх тупо переминался с ноги на ногу, топча лежащее на земле тело. Он уже не хотел никого убивать, он просто ничего не замечал. Впервые в жизни рузарх был сыт. Даже когда ему доводилось задрать отбившегося от стада мамонтёнка, рузарху не удавалось обожраться так. Бездонное брюхо раздулось, его пучило, рузарх тряс башкой, икал, отрыгивал кровью и зеленью. Ему хотелось лишь одного – забиться в чащу и долго-долго переваривать до невозможности сытный ужин. Покачиваясь, бурча брюхом и оглашая воздух довольными стонами, чудовище убралось в заросли. Лишь тогда уцелевшие осмелились подойти к телу Ромара.

Ромар был жив, но искалечен до неузнаваемости. Правой руки не было вовсе, левая – размозжённая тяжёлыми копытами в кашу, болталась на обрывке кожи. Ещё один удар копыта вспорол бок, переломив рёбра. Ромар был без сознания, жизнь стремительно утекала из него.

Зачем Рута взялся врачевать умирающего, никто не понимал. Обычно людям, столь страшно покалеченным, позволяли тихо умереть. Так было легче и для них, и для рода, ко-

торому не приходилось кормить калеку. Но на этот раз шаман нарушил обычай. Лыковой верёвкой он перетянул раны, не позволив Ромару истечь кровью, осколком кремня ампутировал изувеченный остаток левой руки, уложил в лубок сломанную ногу, вправил торчащие наружу осколки рёбер и присыпал кровоточащие места жгучим порошком. А потом двое суток сидел рядом, меняя повязки и припарки и отгоняя звоном бубна горячку и лихорадку.

Через несколько дней люди ушли из леса и унесли беспомощного Ромара. Очутившись на родном берегу, Ромар быстро пошёл на поправку. Вскоре он уже ковылял по селению и горестно размышлял, как ему существовать дальше. Как правило, увечные, если у них были хоть какие-то способности, становились мастерами-оружейниками или тянулись за бубном шамана. Способности у Ромара были величайшие, но у него не было рук. И значит, он был никто.

– Зачем ты оставил меня жить? – однажды спросил он у Руты. Старец долго молчал, размышляя, потом ответил:

– Ты сильный человек, Ромар. Ты самый сильный из всех, кого я встречал. Даже отец шаманов Сварг слаб перед тобой. Не перечь, я знаю, что говорю. Нельзя было дать тебе умереть и впустую расточить такую силу.

– И на что теперь эта сила, коли ей выхода нет? – мутно произнес Ромар.

– Это один Лар знает, – отрезал старик. – Может, вся сила впустую перегорит, а может, и прорвётся куда. Это не мне

решать, я своё дело сделал.

Ромар остался жить и искать выхода силе. Его голос звучал на совете охотников, хотя Ромар не приносил добычи. Его слушали рыбаки, пастухи и земледельцы. Ромар знал всё, но не мог ничего. Состарившись, Ромар старался больше времени проводить среди подростков. Учил их всяким хитростям и премудростям, хотя что это за учёба, если не можешь ничего показать? Особенно это касалось дел тайных, волшебных, исполненных магии. Старые обереги Ромара ветшали и теряли мощь, а новых не было. Не под силу справить такую работу пальцами ног.

Когда-то, уходя из лесу и унося с собой бесчувственного Ромара, охотники зарыли его оторванную руку в общей могиле с погибшими в тот вечер людьми. И, должно быть, смерть запамятовала про уже похороненного человека, видать, хватило ей одних рук. Годы утекали, а Ромар жил. Два поколения родились и ушли к предкам на его глазах, а Ромар оставался прежним. Иногда он пытался подсчитать свои годы, но не мог – путался, сбивался со счёта. Для всех он навеки останется безруким старцем, и лишь во сне он видел себя молодым, и ловкие пальцы сами делали любую работу.

Особенно тяжко оказалось Ромару разговаривать с колдунами. Покуда жил Рута, можно было стоять за его спиной, как и положено ученику. Но Рута не долго зажился на свете, и на его место пришёл новый шаман, молодой и неловкий. Ему тоже приходилось несладко – знать, что не по праву но-

сишь шапку с погремушками, что другой куда достойнее тебя, и если бы не злая случайность, не гулять тебе по верхнему миру, не тревожить духов, не проникать мыслью к самым корням гор. Оттого и не любили колдуны увечного Ромара, а бывало, что и боялись. Сам Ромар в верхний мир не хаживал, но, случалось, пророчествовал и без бубна. Не было равных Ромару во всяком гадании: об охоте, о здоровье, о будущем урожае и приплоде скота. Говорили, что помогают ему фигурки, выточенные им в незапамятные времена. Может, и так – помогают. Но ведь и другим куколки не заказаны – делай, если руки на месте. Не желая вражды, Ромар сторонился хозяев круглого дома, старался больше времени проводить с мальцами и старухами, но от этого приязнь с шаманами вовсе сходила на нет. Колдовские дела сильно между собой разнятся. Есть великая магия бездушных стихий, есть нечеловеческое колдовство странных существ и бесплотных духов, есть невнятная волшеба чужинцев, и есть тайное знание людей. Всякий человек хоть немножко, но умеет колдовать. Это людское волшебство, оно черпает силу в предках. Настоящий колдун способен не только действовать своей силой, но и повелевать мелкими божками. Как обходятся чужие люди – того никто не ведает. Во всяком случае, к стихиям они тоже не обращаются, сила стихий неприкасаема, управлять ею нельзя, а вот доставить бед она может с избытком.

Но и человеческая магия тоже неоднородна. Мужское

волхвование и женские чары несходны промеж себя, а зачастую и просто враждебны. Недаром отец шаманов, всемогущий Сварг, изгнал мудрых баб из селения, отведя им место на выселках, в глубинах и пропастях земных. Старухи йоги не могли простить мужской победы и не раз пытались вернуть былое положение. Поэтому шаманы не без оснований побаивались Ромара, подозревая в нём бабского приспешника.

Скрытая вражда изныла двадцать лет назад, когда изгнанные бабы-йоги откочевали на север, почти потеряв связь с родом, а очередным шаманом стал Матхи.

Как и Ромар, Матхи был калекой. На охоте, когда загоняли к обрыву табун лошадей, могучий жеребец вдруг развернулся и пошёл на загонщиков. Ни копья, ни брошенное боло не сумели остановить его; вожак прорвался, уведя с собой чуть не весь табун. А Матхи остался лежать, сбитый ударом твёрдого, как кремень, копыта. Товарищи привели Матхи в чувство, но свет его глазам так и не вернулся. Матхи ослеп. Хотя слепота шаману не помеха – многие великие чародеи были слепцами.

Из Матхи получился сильный колдун, но главное даже не в том. Матхи был умён и умел не ревновать, когда дело касалось пользы рода.

Два колдуна сидели рядом у мирно тлеющего костра. Утром сюда придут хозяйки, брать новый огонь. Прежде за тёртым огнём посылали к бабе-йоге, а теперь идут на сжатое

поле. Всё в мире потихоньку меняется. Ромар видел много перемен и относился к ним спокойно. Но сейчас в мире что-то ощутимо сдвинулось, и это вызывало тревогу.

Вроде бы хлеб собрали, и охота удалась, и в стаде приплод, а рыбы ловится столько, что не переесть. Праздник творится шумный, радостный – роща ходуном ходит. Нет ни голода, ни мора; много молодых парней в этом году станет мужчинами, а там и свадьбы пойдут… О чём тревожиться? Что древяницы замолкли и не отзываются на приветственные заклинания и жертвы? Так от них всё равно пользы никакой. Или что за рекой объявились новые чужинцы? Зато старых не стало. И потом, это же за рекой, а река хоть и обмелела, но для страшных птиц остаётся неодолимой. И всё-таки нет в мире покоя. А Матхи молчит и лишь мрачнеет день ото дня.

Матхи уже не кружил окрест тускло светящего огневища. Он застыл, опустившись на колени, лицо отрешённое, неживые глаза закачены. Лишь руки продолжают жить напряжённой жизнью, ударяют по тугой коже бубна, встряхивают, чтобы звонко разливались костяные брекотушки, указывая волхву дорогу. Бубен – это жизнь чародея. Пройти без него в верхний мир, может, и удастся, а вот вернуться обратно – нет. Заплутаешь, закружишь и останешься навек не пойми кем: не духом, не человеком, а досужим воспоминанием. Внизу ты можешь быть грозным магом, но без бубна наверх пути нет. В том и заключена разница между шаманом и просто волшебником. Шаман порой меньше может, но

всегда лучше понимает. Ему открыты пути к первоосновам. Вот только всегда ли помогает бессильное знание?

И всё же Ромар хотел знать, чем бы это ни обернулось для него.

Медленно, очень медленно уплывал Ромар из родного мира, робкими шажками двигаясь по звуку чужого бубна. Его не оставлял страх, что сейчас Матхи глубоко вздохнет, очнувшись, прощально проведёт костяшками пальцев по гулкой коже и отложит потрудившийся бубен до следующего раза. А непрошеный гость останется в смутном мире, и брошенное у костра тело быстро зачахнет без души.

Никто не знает, каков в действительности верхний мир. Разным людям видится он по-разному, да и с течением времени может меняться. Когда-то Рута приводил сюда молодого и неопытного Ромара, и тот помнит нечто безвидное, медленно и слабо шевелящееся. Где-то тлел огонь и, кажется, росли деревья. Однако стоило прикоснуться к трёхохватному стволу, и он бесшумно разламывался, рассыпаясь хрупкими обломками. Рута не велел ничего трогать, а просто водил Ромара, взявши за руку и ничего не объясняя. Потом, когда Ромар лишился рук, Рута уже не позволял ходить за ним в верхний мир, брал с собой другого ученика, которому предстояло держать бубен после его ухода. И лишь перед самой смертью, когда Рута уже не вставал с постели, а порой и попросту заговаривался, он вдруг сказал Ромару, безотрывно сидящему рядом:

– Слушай тайну, которую вовек не скажет ни один мудрец. Эту тайну не передают по наследству, её каждый находит или не находит сам. Но тебе я скажу, потому что ты не можешь ходить туда. Так вот, никакого верхнего мира нет! Не веришь? И всё-таки это так. Есть лишь один мир, и всё сущее пребывает в нём. Верхний мир лишь кажется нам другим миром. Мир подобен реке. Можно смотреть на неё с обрыва, можно наблюдать, забившись в камыши, а можно нырнуть в омут и таращить глаза под водой. Каждый раз увидишь разное, но ведь на самом деле река остаётся неизменной, меняется лишь твой взгляд. Поэтому старайся обходиться без верхнего мира. Быть может, в том и скрыто твое предназначение…

Теперь, вспоминая тот разговор, Ромар мысленно сказал учителю:

– Не знаю, возможно, ты прав, но иногда, чтобы увидеть верный путь, надо поглядеть на мир сверху. И тогда охотник лезет на сосну, а шаман берёт бубен. Трудно идти, не зная дороги, и не возможно вовсе, не зная дороги, вести других. Оставшись без рук, я оказался слепым, потому что иду ощупью.

Бесплотный мир сил и духов поглотил Ромара, беззвучно хлестнув в лицо холодным вихрем, несущим мокрую пыль. Неспокойно было вокруг: что-то двигалось, вздыхало, лопалось с сочным звуком. И ничего не было видно. Может быть, нижний мир навеки стал для него таким, а может быть, ему

просто не повезло, и он поднялся на свой обрыв ночью. Интересно, бывает ли ночь там, где нет солнца? И как без света высматривать верный путь?

Ромар шагнул наугад, ударился обо что-то, и оно рухнуло, на миг наполнив молчаливую вселенную звоном и скрежетом. Потом Ромар, кажется, увидел кострище: смутно краснеющие угли и голубые языки угарного пламени, которое никто не поддерживал. Ромар протянул вперёд руку, стараясь ладонью ощутить идущее от огня тепло. «Ладонью? – удивился он и сам себя успокоил: – Да, ладонью». Была рука, была ладонь, а тепла не было, и, значит, не было костра. Мучительно, до истомы хотелось погрузить пальцы в угли, проверить, что там скрыто, но Ромар не стал этого делать. Если Рута сказал истину, то кто знает, что переменится в нижнем мире от этого прикосновения?

Ромар сделал ещё один слепой шаг, прислушался. Слух тоже не помогал, всё кругом было обманным, но всё же врождённым чутьём Ромар почувствовал опасность. Так в тишине и спокойствии идёт степной вал, или страшная волна, прорвавшая в верховьях реки ледяной затор, несётся по узкому руслу, перемешивая грязь, землю, пену, задирая в небеса изгибистый гребень, готовясь смять и растереть в слизь всякого встречного. Но пока бедствие не рухнуло, вокруг царят удивительная тишина и редкостное спокойствие, лишь далёкий бубен продолжает звать, ударяя всё резче и тревожнее. Покорный этому звуку, Ромар шагнул назад и с

маху врезался во что-то неподатливо твёрдое, палящее невыносимым огнём и холодом. Оно опрокинуло Ромара, ударило в грудь, размазав по земле, расплескав кровь и разум, ударило, не глядя, не думая и, кажется, даже не заметив. А потом так же безразлично отхлынуло, позволив тому, что осталось, уползать в свой нижний мир.

Ромар открыл глаза.

Малый костёр продолжал тлеть. Липовая колода, в которой вытирали огонь, рассыпалась горой угля, но тяжёлые лесины, уложенные по сторонам костра, не давали углю прогореть слишком быстро, подпитывая кучу жара своей волглой древесиной. Матхи сидел напротив, мерно постукивая в бубен. Редкие сполохи озаряли его лицо и незрячие глаза. Лицо казалось неживым и отрешённым, но Ромар понял, что Матхи уже здесь, что он давно вернулся из верхнего мира и не бросает бубен лишь ради самовольника Ромара.

– Спасибо, – хрипло выдавил Ромар.

– Ты видел? – спросил Матхи, оставив бубен.

– Нет. Там было темно.

– Там было светло, – возразил слепец. – Надо лишь уметь видеть. Но если ты не видел это, то как же ты сумел уйти живым?

– Не знаю. Меня ударило очень сильно. Я уцелел только потому, что ему не было до меня дела.

– Ты знаешь, что это? Или – кто? Прежде я не видал ничего подобного, а теперь уже месяц, как оно бушует там.

– На моей памяти подобного тоже не бывало. Но я всё равно знаю. Это магия мёртвой стихии. Только у мёртвых стихий может быть такая огромная и тупая мощь.

– Ты хочешь сказать…

– Да. Это проснулся кто-то из предвечных властелинов. Их осталось всего двое: Хоров и Кюлькас. Я не знаю, который из них открыл глаза, не знаю, что его разбудило, не знаю, как усыпить его вновь. Но теперь я понимаю, откуда идут тревога и неустройство в мире.

– Ромар, – прошептал Матхи. – Мне страшно. Я часто поминал в молитвах и заклинаниях древних владык, но надеялся, что в жизни их нет, а есть лишь косная сила, которую невозможно побороть, как нельзя запрудить Великую реку, но которая пугает не больше, чем река, когда стоишь на берегу. А теперь всё это стало правдой, и я не вижу силы, способной остановить этот поток.

Ромар вспомнил старого шамана маленьким белоголовым мальчишкой и не удивился последним словам.

– Ничего, – сказал он. – Мы что-нибудь придумаем.

Каков ни будь праздник, а вечным ему не бывать. Августовский день – не июньский, он куда короче, а дел требует побольше. И хотя дожинки еще не кончились и вечером праздник продолжится, с утра всех зовёт работа. Со второго дня дожинок считается новый год, а его с новым огнём встретить надо. С вечера все очаги в селении погасили, золу

через порог кинули, развеяли по ветру. Перед рассветом хозяйки пошли на поле за новым огнём. Нагребали в черепок горящих углей, одаривали колдунов пирогом с вязигою. Пирогов натащили гору, а вечером сами же и съедят. Вечером – главное действо дожинок – поле на зиму почивать укладывают. А с утра – как ни крути – работа.

Таши помогал заготавливать рыбу. Работа считается детской, но по нынешним уловам – мужику впору справиться. Вот Таши на неё и поставили. Женщины возле уреза воды потрошили рыбу, мыли, сливали в корчаги налимьи и сомовьи молоки, разделывали тушки, и Таши таскал готовое наверх: нанизанные на вертела жемчужные звенья севрюги, розовые, сочащиеся неяркой кровцой пласты сомовины, связки мелкой рыбёшки. Наверху дымно тлели смолистые корневища и горькие осиновые плахи. Чумазый Муха распоряжался в коптильне. Праздник не праздник, а рыбы надо накоптить побольше. Хлеб в этом году родился неважнецкий, трава повыгорела – значит, и на стадо надежда невелика, грибов в дубравах и вовсе нет. Правда, грибам ещё и не время. Сговорятся Кюлькас с Хоровом, пришлют тёплых дождей, так мигом насыплет по рощицам груздей и лисичек – только успевай ломать. А ну как не будет дождя? Тогда вся надежда на рыбу.

Таши, не чувствуя тяжести, бегом взбирался на обрыв, обрушивая лавины песка, скатывался к воде. Радостная сила переполняла его. Жаль было лишь одного: Уники нет рядом,

с утра её забрал Ромар для каких-то своих колдовских дел. Но ведь не на век забрал: вечером они непременно увидятся. Ожидание наполняло душу жгучей дрожью, заставляло торопить время и торопиться самому.

К полудню из селения принесли обед. Сегодня весь род ел дёжень на простокваше, затёртый из нового, ещё не высушенного зерна. Хлебали дёжень из большущей лепной миски, сидя кружком. Тёплый ветер рябил воду на реке. Вкусно пахло свежей рыбой. Хорошо было.

После обеда все, кто помоложе, полезли купаться, хотя вода была уже по-осеннему холодна. Лишь двое сменщиков в коптильне продолжали поддерживать огонь. Таши уже два года не купался на глазах у людей. Не мог вынести любопытных взглядов, искоса кидаемых на его нагое тело. Неважно, что с виду он точно такой же, как и прочие люди, но вдруг он всё-таки мангас? Бывает, что так просто мангаса от человека и не отличишь.

Сородичи всегда купались вместе, не разделяя мужчин и женщин и не смущаясь человеческой наготой. На этот раз Таши скинул одежду и бросился в непривычно медленную и мутную воду. Теперь даже на середине потока было видно, что река больна, но сейчас Таши мог думать только о радостном. Единым духом он отмахал сажёнками до середины реки, чуток полежал на воде, позволяя струям сносить себя вниз, и, словно проснувшись, принялся выгребать против течения, чтобы выйти из воды там же, где входил. Обыч-

но пересилить реку оказывалось очень не просто, но сегодня Таши не чувствовал усталости. На берег он выходил медленно, не торопясь, сгоняя ладонями струйки с груди и боков. Как и прежде, он чувствовал на себе опасливые и нескромные взгляды, но отныне ему не было до них дела. Смотрите сколько угодно, всё равно ничего особенного не высмотрите. Я такой же человек, как и все, я настоящий, как бы вам ни хотелось видеть во мне урода.

Обсохнув на ветру, Таши оделся, прилёг под обрывом, зажмурив глаза и подставив лицо нежаркому уже солнцу. Лик Дзара ало просвечивал сквозь прикрытые веки. Потом его заслонила чья-то тень. Таши открыл глаза. Рядом сидела Линга и пристально смотрела на него.

После того как у Линги вновь появилась дочь, да ещё и не одна, молодая женщина словно ожила. Люди снова вспомнили, кто был в роду первой певуньей. Казалось, Линга помолодела, а уж похорошела наверняка. Когда наступит вдовья ночь и мужьям будет запрещено ночевать дома, такая не останется в одиночестве. Последние дни Линга встречала Таши улыбкой, видно помнила, кто принёс в селение её девочек. А может быть, просто радовалась, что она теперь не бездетная вдова и, значит, ей уже не грозит судьба мангаски.

– У тебя через месяц испытание, – тихо сказала Линга.

– Ну… – внутренне сжавшись, согласился Таши. Неуместное напоминание резануло его словно ножом, разом погубив солнечный настрой. Ведь и в самом деле, для рода ничего не

изменилось, он остаётся под подозрением, и испытания никто не отменял.

– Я очень хочу, чтобы ты выдержал.

– Спасибо, – натужно выдавил Таши.

– Я действительно этого хочу. Если ты согласишься, если так тебе будет легче, то я могла бы сама вызваться быть той женщиной, с которой тебе надо будет… ну, ты понимаешь. Не бойся, ты не обидишь меня. Я пойду на что угодно, лишь бы все кончилось благополучно.

– Но ведь… – Таши сел, недоумённо глядя на Лингу. – Ведь у тебя теперь есть дети. Жребий не может пасть на тебя.

– Это неважно. Я попрошу, и люди согласятся. Им это всё равно, а мне очень важно, потому что если ты не сумеешь доказать им, что ты человек, то они убьют Лишку.

Теперь всё стало на места. Лишкой старухи нарекли спасённую девочку. Линга нянчила её вместе со своей дочкой, хотя судьба девочки до сих пор не была решена. Ведь если Таши мангас, значит, Лишка тоже не настоящий человек, а чужинка, и её следует убить. Вот почему Линга пришла к нему.

– Если хочешь, – лихорадочно шептала Линга, – приходи этой ночью ко мне. Ты сможешь проверить себя и привыкнуть ко мне. Тогда на испытании всё получится само собой. Я знаю, что получится, я же видела тебя только что. Ты настоящий мужчина, среди родичей никто не сможет стать рядом с тобой.

Таши молчал. Горло свела тугая судорога.

– Я понимаю, что я старше тебя и некрасивая. Но ведь другие вдовы ещё старше. Если я буду тебе неприятна, я не стану тебя держать. В нашем семействе много молодых девушек. Скоро они повыходят замуж, а потом кто-то из них овдовеет, и ты сможешь уйти. Я на всё согласна, лишь бы ты был в порядке. А то кое-кто из мужиков говорит, что надо не только Лишку убить, но и Тину. Она, мол, тоже у согнутых побывала.

– Не тронет её никто, – наконец заговорил Таши. – И всё будет хорошо. Только… не надо сейчас об этом говорить.

– Ладно, я не буду, – поникла Линга. – Пошли работать. Бабы уже рыбу потрошат.

Ромар недаром выделял Унику среди всех девушек рода. Он обратил на неё внимание семь лет назад, после одной ничем не примечательной истории. Всего лишь кто-то посадил хомут на нос юному Тейко, бывшему в ту пору первым сорванцом в селении. Нос покраснел и распух. Боль была страшная, Тейко, позабыв, что охотник должен быть терпелив, подвывал тихонько и никому не дозволял прикоснуться к пострадавшему носу. Больного привели к Матхи, и тот сразу увидел четкую полосу, словно нос перевязали прочной бечёвкой, затянули на двойной узел да так и оставили. Шаман смазал распухший носище жиром угря, прочёл простенький заговор и принялся ждать результатов.

Случай казался самым что ни на есть обыденным. Обидел кого-то Тейко, всерьёз, до самых сердцов обидел, а тот, скорее всего даже не понимая, что делает, наслал на обидчика порчу. Среди детишек такое сплошь и рядом бывает. Теперь, когда в дело вмешался шаман, Тейко должно было полегчать, а вот у незадачливого ведьмака в скором времени распухнет собственный носишко. Его и будут лечить, объяснив к случаю, что не полагается вредить колдовством члену рода. Заодно Матхи узнает на будущее, в ком из малышей бродит колдовская сила, приглядит, кого стоит особо тщательно учить тайному мастерству.

Но на этот раз у знахаря ничего не вышло: новых болящих не объявилось, Тейко рыдал уже дурным гласом, а нос стал не красным и даже не лиловым, а густо-чёрным. Использовать сильные, рассчитанные на взрослого чародея заклятия Матхи не решился – так можно было запросто погубить невольного вредителя, которого шаман тоже должен был беречь. Но и обычными методами снять хомут не удавалось. Тогда Матхи позвал на помощь Ромара, чего прежние шаманы боялись как огня, предпочитая делать ошибки, но не обращаться к опасному сопернику.

Ромар раскинул фигурки, прошёлся по селению, и через полчаса Тейко разом полегчало, словно чирей прорвался. Но никто из других детей не заболел, и вообще вредитель никак себя не проявил. На осторожные расспросы Ромар сначала долго вздыхал, а потом нехотя объяснил Матхи:

– Не нужно тебе знать, кто это. Никакой пользы от этого не будет. – Он ещё помолчал, и, когда Матхи уже потерял надежду услышать ответ, добавил: – Девчонка это.

– Но ведь…

– Да, у этой девчонки великий дар. Прежние берегини за неё всё что угодно отдали бы. А теперь… что об этом говорить? Ты её испортишь, покалечишь зря, а у меня она знахаркой вырастет, травницей, ведуньей. Настоящей травницей, а не как нынешние неумёхи. Тебе это, может, обидно, а роду лучше будет.

– Мне не обидно, – сказал Матхи. – Делай как знаешь.

Уника в ту пору была голопузой малявкой, которую от остальных девчонок отличали только волосы: такие густые и длинные, что при желании они могли закрыть её всю целиком. Эти волосы и не давали покоя Тейко, который при всяком удобном случае драл их нещадно, покуда не поплатился собственным носом.

С того времени, изредка, понемногу, Ромар начал приближать Унику к себе. Брал с собой, когда ходил искать лечебные и чудодейственные травы или заговаривать поле против вредной зерновки или сорняков. В любом деле Ромару нужен был помощник. Заклинание произнесть не сложно, а кто потом запретительный узел на повилике завяжет? Без рук ничего не осилить: ни корешок калгана из земли выкопать, ни даже сорвать с пониманием редкий четырёхлистник клевера. Его с долгим поклоном брать положено, и не как-нибудь,

а обоеруч. Тут калеке не управиться.

Вторым помощником Ромара был Таши. Колдовская суть в нём была слабенькая, но даже в те времена, когда была жива его мать, Таши оставался в роду на особицу. Сторонились его, старались дел не иметь. А возле Ромара мальчишке было спокойно, никто ему о злом не напоминал. Ромар, напротив, всячески привечал приблудного мальчонку.

Так и бродили они втроём, уходя иногда на несколько дней кряду, как охотничьему отряду впору. Лата, мать Уники, волновалась, конечно, но потом и она привыкла. Когда Ромар рядом, ничего с ребёнком не случится. Да и младшие дети, которых у Латы было уже четверо, мешали бояться за старшенькую.

Ромар помалкивал об удивительных способностях девчонки, которую он пригрел возле себя, да и Уника понимала, что хвастаться ей не стоит. Не дело сопливке показывать, что в тайных женских искусствах она седым старухам нос может утереть. Тоже, конечно, не во всяком деле: кое-какие ухватки лишь с годами даются. Не мудрено, что даже Таши принял слова Уники об уходе в лесные скиты за пустую браваду обиженной девушки. Теперь, впрочем, и сама Уника не стала бы повторять глупые слова. Так же как и Таши, она ждала вечера и не думала ни о чём.

Неподалёку от селения, в дубраве, где когда-то стояло женское капище, была у Ромара откопана землянка. Не сам копал, ясное дело, люди помогли. Понимали, что нельзя за-

зря бросать наворожённое место. А Ромару верили, он присмотрит.

В землянке хранились вещи самые неожиданные и малопонятные. Двери в землянку не запирались, но никто даже из самых отчаянных сорванцов никогда не согласился бы войти туда без приглашения, особенно если хозяина нет рядом. Любой знал, что баловство может обернуться немалой бедой, недаром же отнесена колдовская берлога от людского жилья.

Самому управляться в землянке Ромару было трудненько, и он звал помощников, выбирая их среди детишек. Когда-то и Матхи помогал старику в его делах, потому, должно быть, и относился к нему с почтением, погасив былую неприязнь шаманов к безрукому колдуну. Последние пять лет в землянке хозяйничала Уника. Конечно, появлялась она там раз или два в месяц, так что никто не мог заподозрить в девочке будущую колдунью. Просто объявилась у Ромара любимица, вот и ухаживает за стариком.

На этот раз Ромар попросил себе Унику на весь день. Лата поморщилась, но отпустила. Всё равно дочь уже считай, что замужем, так пусть последние дни доходит свободно.

Уника принесла на старое капище тёртого огня, загнётила костерок. Из землянки приволокла чёрный от сажи горшок, накипятила воды, пристроила горшок боком к углям, чтобы варево томилось, да не кипело. Ромар называл, чего брать и сколько, а Уника сыпала в горшок толчёные корни, размя-

тые травы и листья, ягоды боярышника. Ромар пел невнятно, призывая Мать-Прародительницу, что-то просил у неё. Ни о таких заговорах, ни о подобном зелье Уника прежде не слыхивала. Что-то небывалое варилось сегодня: травы в ход шли сильные, а то и просто злые – чабрец, зверобой, конопля, красавка. Потом Ромар велел бежать к рыбарям, просить налимьих молок, да не просто, а чтобы с плёнками. Тут уж стало не понятно вовсе: что за ушицу затеял старик?

Уника схватила чистую ендовушку и отправилась на берег. Покуда её не будет, Ромар и один обойдётся – не велика тягота подкидывать разутой ногой на угли можжевеловые веточки. На берегу был перерыв, народ купался, лишь у коптильни шла работа, да несколько старух продолжали безостановочно нанизывать на лозу верхоплавку, мелкую рыбёшку, что не коптят, а сушат впрок. Уника спросила молок, дождалась кивка, отлила сколько нужно, стараясь, чтобы побольше попало плёнок. Поблагодарила хозяек и поспешила назад. Уже с обрыва оглянулась еще раз. Таши медленно, как напоказ, выходил из воды. Унику он не заметил.

Упревший отвар вернули на угли, и, когда вода зашлась белым ключом, Уника вылила туда молоки. В воздухе запахло варёной рыбой – совершенно не колдовской запах. Раствор сразу помутнел, сверху пошла пена.

– Пену снимай – и на угли! – скомандовал Ромар. – А что погаснет – отгребай в сторону, потом через них цедить станем.

Уника кивнула и проворней заработала точёной деревянной ложкой, помешивая кругами, посолонь, чтобы колдовство вышло добрым. Бормоча заговоры, отобрала притухший уголь в цедилку. Густой мутный отвар потёк на уголь, обнаруживаясь снизу чистым сиропом нежного палевого цвета.

– Догадалась, для кого средства варим? – спросил Ромар, отставив на время наговоры. – Это любовное зелье, для Таши. Сама знаешь, какая ему беда предстоит. Надо ж было придумать: заставить парня на глазах у всего рода женщину паять. Так – разве что пень бесчувственный сможет. Ну да ничего, от твоего варева Таши не только на вдову, а на колоду еловую полезет, она ему милей зазнобы сердечной покажется. И глядит кто на него али нет – дела ему не будет. Он и не поймёт, что кругом творится. Так и спасём парня, а то я его знаю: гордый, лучше помрёт, чем собой поступится… Э, да ты чего ревёшь, девка?

– Дым глаза ест, – глядя в сторону, произнесла Уника.

– Коли так, то ничего. С девичьей слезой зелье ещё забористей получится… – Ромар насупился и добавил сердито: – Ты думаешь, мне его не жалко? Я который год за него сердцем болею. Потому и мудрую тут, чтобы всё добром кончилось. Потом и для вдовы средство сварим. Тогда и ей обиды не будет. Станут они у нас жить как два голубка, детишек плодить. И мы с тобой порадуемся, на них глядя. Верно я говорю?

– Верно, – судорожно кивнула Уника.
– Ну и не плачь, раз так. Всё будет хорошо.
– Я и не плачу. Это дым можжевеловый глаза слезит.

Быстро или через силу, с ожиданием или душевной тоской, но так или иначе вечер наступил. Вновь на большом поле рассыпали искры костры, щедро прикармливая потрудившуюся землю золой, ныла жалейка, разливался рожок и берестяной гудочек. Вновь кружил хоровод, на этот раз общий, все в него встали, кого ноги держат. Ну и конечно, угощение выставлено: предкам, полю, Матери-Прародительнице, твари земной, нежити окрестной, нечувствительным духам, а больше всего – себе самим, в награду за труд и маету. Ели медовый пряник, остатки утреннего дёжня, жертвенные пироги. Ели жареную свинину – охотники постарались! – и отварных судаков, с утра принесённых рыболовами. Крошек не подбирали, щедро сыпали вокруг в пользу всякой ползучей мелочи. Угощение щедро заливали пивом. Захмелев, начинали разговоры, хвалились удальством, охотничьей удачей, промысловой ловкостью. Кто потолковей, те помалкивали: дела сами за себя говорят. Молодёжь, прошлой ночью убегавшаяся до томной боли в ногах, неприметно разбредалась по укромным местечкам, обходясь на этот раз без горелок и ауканья. А кто не подобрал себе зазнобушки, тот сидел на виду, утешаясь пивом и комковатым сыром.

Таши и Уника не появились на общих дожинках. Задол-

го до условленного часа, едва начал сереть вечерний воздух, Таши ускользнул от других парней, собиравшихся на поле, и побежал в рощу на условленное место. И всё-таки Уника уже была там. Сидела, бесцельно раздёргивая цветок запоздалой ромашки, словно гадала: любит или нет? Таши подошёл, встретил вымученную улыбку и как-то сразу понял, о чём думает Уника. Он опустился перед ней на колени и замер, не зная, что сказать и как утешить любимую.

– Ничего, – первой сказала Уника. – Не думай о дурном. Ведь у нас впереди целый месяц счастья. А может быть, мы с тобой и потом сумеем видеться.

– А Тейко позволит? – желчно спросил Таши, с ужасом чувствуя, что произносит что-то невозможное, о чём сам вскоре будет жалеть.

– При чём тут Тейко? – Уника обхватила руками голову Таши, прижала к груди. – Мне ты нужен. А он позлится и утешится.

– Нам всё равно не позволят пожениться. Мы с тобой из одной семьи. И даже если бы разрешили, я не желаю испытания: ни себе, ни тем более тебе.

Уника усмехнулась едва заметно:

– Да кто же тебя спросит? Настанет время, пойдешь и выдержишь любое испытание.

– А ты?

– Что я?.. Я так останусь.

– Я не хочу.

– Ты думаешь, я хочу? А что делать? Таков закон рода, здесь ни Ромар, никто не поможет.

– Но от испытания я всё равно откажусь.

– Замолчи!.. – выдохнула Уника. – Или говори о хорошем. Ведь у нас всего месяц остался быть вместе… Да и то… сегодня праздник, а в остальные дни дома ночевать придётся, значит, только урывками видеться. Не смей тратить эту ночь на тоску. Лучше скажи, что ты меня любишь…

Джуджи заревела незадолго перед рассветом.

Таши ещё не проснулся, но тело само вскочило, и плотный кожан, способный сберечь от стрелы, ежели она на излёте, уже был на плечах, и лук сам прыгнул в ладонь, а стрелы – яблоневые и нащепанные из гнуткой птичьей кости – переполняли колчан.

Джуджи хрипло вопила, заставляя думать, что враг уже подобрался к ней вплотную. Хватая боевой топор, давно насаженный на рукоятку, Таши мельком подумал, что, должно быть, так оно и есть: враг лезет через реку едва ли не напротив селения, лишь самую малость выше, там, где вода дробится на плёсах.

Предчувствие не обмануло – именно туда и послал воинов Бойша.

Оказалось, что дозор заметил на том берегу костры, а посланный лазутчик донёс, что там остановились настоящие люди, их немало, они мастерят плоты и не иначе с рассветом

всем скопом двинутся на родовые земли. В таком деле сторожевой отряд своими силами справиться не мог; воевать с людьми – это не согнутых бить, оно пострашнее, хотя мангасов среди истинных людей не бывает. Но зато с людьми можно говорить и договариваться, даже если это враг.

– Нужно подать им сигнал, – приказал вождь. – Ставьте вдоль обрыва костры!

Вскоре на берегу заполыхала дюжина высоких костров. Багровые языки слабо светили в занимающемся утре, но дымных столбов не заметить было невозможно. И всё же изощрённый слух улавливал за рекой дробный перестук: там продолжали ладить плоты. Значит, как свет станет – поплывут. Оставалось ждать.

Вместе со всеми охотниками на берегу стоял Таши. Никто его не гнал, и даже косых взглядов в его сторону не было. Не то время, чтобы косо смотреть на человека, способного послать стрелу на тот берег. Впору возгордиться, но где-то в самой груди Таши жила нервная дрожь. «Это от холода, – убеждал он себя. – Утренник сегодня знатный, вся трава в инее…» Твердил успокоительные слова, как заклинание, но знал, что на самом деле дрожит от иного озноба. Ведь на том берегу – настоящие люди, хоть и враги. И биться с ними тяжелей, да и руку не вдруг подымешь – на своего-то.

На левом берегу не как здесь, камыш тянется плотно, отступая лишь у Сухого острова. Что в нём творится – даже с обрыва не разглядеть, лишь слышно тюканье тёсел да изред-

ка приглушенные голоса. Значит, уже не таятся, понимают, что их заметили, и ждут, раз по-над обрывом такие кострища развели.

На кромке обсохшего берега появились первые фигуры, волочившие на катках плоты.

Таши знал, что произойдёт дальше: на плоты кинут вязанки хвороста, которые прикроют пловцов, хворост спрыснут водой против огненных стрел, позади этой ограды разложат оружие, особо сберегая луки, чтобы волна не замочила, а сами поплывут, придерживаясь за брёвна и толкая защитный плот впереди себя. И, конечно, постараются успеть, пока не миновал предутренний час и голубой воздух обманывает взгляд стрелков. За последнее, впрочем, можно быть спокойным – и без того уже светло, а пока те с хворостом управятся, и вовсе солнце глаз покажет.

– Да что ж они творят, головы еловые?! – воскликнул стоящий неподалёку Ромар.

Теперь и Таши видел, что происходит на том берегу. Люди споро скатывали на воду наспех связанные плоты, но никто не укладывал на брёвна защитных валков. Вместо этого женщины потащили тюки с вещами, горы всякого барахла, без которого не прожить человеческой семье. Меж котомок и кутулей усаживали детишек, словно собирались их отправить под первые, самые меткие выстрелы противника. Работали спешно, не глядя на гористый берег, где смертельным частоколом темнели фигуры воинов, не желавших допустить

беглецов на свой берег.

Таши смутно подумал, что если очень постараться, то он действительно мог бы послать стрелу на тот берег. Пусть неприцельно, но стрела долетит. А когда плоты достигнут бурунов, под которыми прячется каменистая отмель, детей на плотах можно будет отстреливать на выбор, заранее намечая будущую жертву.

– Не стрелять! – вполголоса прошел по цепи приказ, и Таши вздохнул с облегчением. Всё-таки хоть и нет такого закона, но всякий знает: когда бьёшься с настоящими людьми – детей не замай!

Плоты отвалили от берега и остановились у первой же отмели, зажатые воткнутыми в дно древками копий. Воины над обрывом молча ждали. Внизу на реке вышли вперёд двое мужчин. Один из них, с бородой, спускавшейся едва ли не до пупа, держал в руке тяжёлое копьё, перевитое тёмными полосами, – не иначе символ рода, священное оружие предков. Над рекой пронёсся хриплый крик, не человеческий, но понятный всякому. Так ревёт матёрый бык, видя опасность или вызывая на бой соперника.

– Так и есть, – негромко сказал кто-то. – Дети тура. Быть войне.

Когда-то род зубра и род тура жили рядом и считали друг друга братьями, но уже много поколений, как их пути разошлись. Сперва кто-то не поделил добычу, взятую на совместном лове, потом возник спор из-за рыбных тоней, и был этот

спор решён силой в пользу зубров. В ответ бывшие друзья умыкнули из селения несколько девушек и ушли за реку. Так родилась вражда, которой никто особо не был обеспокоен, ибо река была надёжной границей. Но теперь род тура появился вновь. Их было больше тысячи человек, и отступать они явно не собирались.

Кричавший передал копьё своему товарищу и бросился в воду. Плыл споро, не прячась от стрелков, волна бурунами разбегалась от мелькающих рук. Силён был бородатый и силы своей не скрывал, чтобы все видели вождя.

– Не стрелять! – ещё раз прошёл по цепи приказ Бойши.

Пловец достиг берега, выпрямился. Мокрая борода налипала на обнажённую грудь, вниз сбегали струйки.

– Что вам здесь надо? – потребовал Бойша, шагнув на край обрыва. – Ваши прадеды оскорбили наших предков, и обида не смыта до сих пор. Детям тура нет хода на наш берег.

Бородатый стоял внизу, по колени в воде, отчего поза его казалась униженной.

– Мы просим прощения за старые обиды, – глухо сказал он. – Когда-то наши роды дружили. Немало нашей крови течёт в ваших жилах, и в наших телах есть ваша кровь. Ради этой крови я прошу мира.

Бородатый говорил, смешно пришепётывая, иные слова были не знакомы вовсе, но всё же речь поняли все. Видно, и впрямь некогда два рода жили рядом.

– Что вы хотите? – повторил Бойша.

– На наши земли пришла беда. Неведомые чужинцы, оседлавшие птиц-людоедов. Их ничто не может остановить. Наши лучшие воины погибли, мы потеряли стада, и хлеб остался не убран. На правом берегу больше нельзя жить.

– Однажды вы уже обманули нашу дружбу, – непреклонно произнес Бойша, – а теперь просите наших земель?

– Мы просим дозволения пройти через ваши земли. Мы сразу уйдем на север, где начинаются безлюдные леса, или на запад, в горы.

Бойша долго молчал, сдвинув тяжёлые сросшиеся брови. Не так это просто – принять подобное решение. Чтобы заключить мир, должны собраться главы семей, но и война с отчаявшимися, на всё готовыми людьми – тоже не мёд. Тяжкий груз должен взвалить на себя вождь.

Ромар и Матхи одновременно шагнули, собираясь подняться наверх, но в это время Бойша поднял нефритовый жезл и объявил своё решение:

– Зубры пропустят вас через свою землю.

Чуть слышный шелест прошёл за спиной вождя. Кто-то вздохнул с облегчением, другие, напротив, напряглись, готовые оспаривать самовольное решение.

– Но… – не давая времени разгореться недовольству, продолжил Бойша, – пока вы не переплывёте Белоструйную, ваши матери будут заложниками у нас, потому что верить вам трудно. Сейчас, пока вы стоите посреди реки и не можете отступить, потому что боитесь людей-птиц, вы готовы обе-

щать всё, но мои люди опасаются, что, взойдя на берег, вы скажете иное.

– Мы согласны, – донеслось из-под обрыва. – Наши матери однажды уже родили нас на свет и сейчас готовы вновь подарить жизнь своим детям.

– А за проход сквозь наши земли, – продолжал диктовать Бойша, – и за прежние обиды, и в знак будущего мира вы оставите нам своих дочерей, которым этой осенью подойдет пора называться невестами. В наших домах не поровну женихов и невест, поэтому нам надо… – вождь на мгновение запнулся, спешно принимая решение, – восемь девушек, которых мы выберем сами.

Бородатый медленно, через силу кивнул:

– Прадеды были не правы, когда начали эту войну. Мы согласны. Ради завтрашнего мира, ради того, чтобы жил род.

Он повернулся и пошёл в воду.

– Женщины пусть идут первыми! – крикнул Бойша.

Таши глядел вслед уплывающему бородачу и медленно, с трудом соображал. Мысли тяжело ворочались, словно по затылку тяпнули преизрядной дубинкой. Почему вождь потребовал восемь невест? Род делится на несколько больших семей, и лишь шаман и старухи умеют разобраться, кому из какой семьи надо выбирать невесту. Порядок этот менялся год от года, и почти каждый раз случалось, что женихам какой-нибудь семьи не хватало наречённых, поскольку та семья, куда позволено свататься, оказалась меньше. И

это в то время, когда в другой семье девушки остаются бобылками. Старухи говорили, что в этом году семеро парней не найдут себе пары. Почему же вождь потребовал восемь невест? Неужели восьмая предназначена ему? Пожалел, значит, вождь отдавать на позорище вдову… Или, напротив, верит в Таши, хочет ему правильную семью, а не жизнь с перестарком. Один Лар знает, о чём думает вождь, а Таши дозволено лишь догадки строить да мучиться неизвестностью.

Посланец тем временем вернулся к своим, некоторое время что-то разъяснял им, после чего первые плоты двинулись поперёк течения. Большинство мужчин, как и было приказано, остались на отмели.

– А вот сейчас, – смачно протянул пастух Мачо, – баб и пожитки наверх поднять, а мужиков в распыл, чтобы понимали, с кем дело имеют!.. Жаль, Бойша у нас не мужик, а кисель овсяный. Так сделать – всем бы молодух достало.

– Ума у тебя достало – такое сказануть, – отозвался Муха. – Никак у баранов своих набрался. Молодку ему захотелось… А потом эта молодка за мужа да за братьев тебя ночью придушит.

– Меня, поди, не придушит! – отмахнулся Мачо.

– Я сам тебя придушу! – Муха ловчей перехватил острогу, которую даже в бою предпочитал всякому иному оружию. – Чтобы ты род не позорил.

– Ещё подумать надо, кто род позорит… – проворчал Мачо и на всякий случай отошёл в сторонку.

Плоты ткнулись в берег. Первой на камни сошла высокая старуха в нарядной меховой кацавейке. Ни годы, ни тяжкий труд не сумели согнуть её спину и погасить огонь глаз. Следом на обрыв поднялись ещё шестеро старух, старших в своих семьях, а за ними бледные, жмущиеся друг к другу девчонки – те, кому этой осенью предстояло пройти посвящение.

– Мы пришли, – произнесла предводительница, глядя поверх головы Бойши. – А это наши дочери. Выбирай.

– Не мужское дело девчонок щупать, – проворчал Бойша. – Не коз покупаем. Сейчас придут наши хозяйки, они выберут. И не смотри на меня волком, – добавил он. – Не на смерть девиц отправляешь. Дозволит Лар – ещё свидишься с дочками.

Таши с мистическим ужасом смотрел на сбившихся в кучу девушек. Сейчас старухи выберут среди них восьмерых, а потом случай отдаст одну из восьми ему. Великий Лар, зачем? Пусть лучше будет вдова. А еще лучше – умереть, чтобы вовсе ничего не было. Вот только Унику жалко, и Лишку. И до смерти не хочется умирать, зная, что ты человек. Светлый Лар, лёгкие духи, где выход? И главное, ничто, даже самая малость, не зависит от него. Зависит от Ромара, от вождя, даже от Линги зависит, а от него – нет. Смешно, но судьбу этих девочек тоже будут решать чужие люди. Вот именно – смешно. Что ещё остаётся делать? Только веселиться, как веселятся на похоронах, чтобы не огорчить умершего. И га-

дать, кого судьба бросит под него. Может быть, вот ту, что повыше других. И без глаз видно, насколько она горда. Если рок укажет на неё, ей сразу можно петь погребальную песнь. Или падет жребий на невысокую, широколицую, с веснушками от уха до уха. Должно быть – хохотушка, хотя сейчас стоит как замороженная. Парни, обсуждая друг с другом девчонок, о таких стараются зря не болтать, а то узнает – спуску не даст. Такая – если любит, то безоглядно, а коли ненавидит, так от души. Дайте, предки, ей счастья с любимым, избавьте от меня… А вдруг достанется ему вон та, черноглазая, чем-то похожая на Унику…

Таши почувствовал, что лицо у него непроизвольно дёргается, каждый мускул пляшет сам по себе, словно бьющийся в припадке шаман, проникший духом в верхний мир. Таши с силой провёл рукой по лицу, стараясь прогнать постыдную дрожь, резко отвернулся и стал смотреть на реку, где медленно двигались плоты, перевозящие детей, женщин и стариков. Мужчины, как и прежде, остались на отмели, но теперь почти все они повернулись к низкому луговому берегу и спешно готовили оружие. Там из пересохшего утреннего марева катилась к берегу знакомая лавина птиц и визжащих карликов. Мелькали чёрточки пик, мозолистые трёхпалые ноги гулко ударяли в землю, бесновались на птичьих спинах лилипуты, обозлённые, что добыча ускользает из-под носа.

Таши зарычал и, скатившись с обрыва, бросился в реку.

Он плыл, сильно загребая правой рукой, а левой держал над головой лук с туго натянутой бычьей жилой. Лишь бы успеть на отмель прежде, чем карлики поймут, что туда вброд не добраться. Успеть выстрелить, прежде чем враг растворится в желтеющей степи! Выстрелить хотя бы один раз. Расплатиться за прежнюю неудачу и позорное бегство!

Сыновья тура спустили луки все разом, ударив по диатритам, когда те были у самой кромки воды. Две сотни стрел пропали впустую: они безвредно скользили по плотному перу, отскакивали, не причинив урона. Лишь одна птица, которой боевая стрела вошла в глаз, заметалась, бестолково кружа, забила обрубками крыльев и рухнула, вспенивая воду и придонную грязь. Карлик откатился в сторону, поднялся было на четвереньки, собираясь бежать, но в ту же секунду его разом продырявило несколько стрел, так что больше он уже не поднялся.

Наездники гнали своих бегунов в воду, но, как и в прошлый раз, птицы не осмелились войти в реку глубже чем по колено. Карлики напрасно улюлюкали и кидали дротики – брошенные немощной рукой, они не достигали отмели. Второй залп лучников вообще не сбил ни одной птицы, но всё же диатриты поняли, что их положение не так уж безопасно. Нападавшие развернули птиц прочь от берега. К этому времени Таши уже нащупал ногами дно и тоже вступил в битву. Стрелять, держа лук горизонтально, чтобы он не коснулся воды, было трудно и непривычно, но всё же тонкая неопе-

рённая стрела вонзилась в открывшуюся спину отходящего всадника и разом сшибла его на землю. Таши захохотал: он всё-таки вернул диатритам их кость! Вторая сшибка с чужинцами закончилась в пользу людей, хотя и на этот раз их оборонила река.

С того берега махали руками, разрешая переправу. Таши вздёрнул над головой лук и поплыл наискось, загребая против течения, чтобы не так сильно снесло во время переправы.

Время шло суматошное, полное новостей и тревог. Прежде всего хозяйки, призванные на место несостоявшейся битвы, распорядились быстро и решительно: до тех пор, пока род тура не устроится на новом месте, все малые дети и беременные женщины остались в селении зубров. Восемь невест, впрочем, после тщательного осмотра и долгого совещания были выбраны. Оказалась среди них и черноглазка, напомнившая Таши Унику, и круглолицая веснянка. А вот высокую девушку старухи не отобрали. Может, угадали характер, или бёдра девушки показались узковаты – тяжело рожать будет, а возможно, просто другие невесты больше приглянулись.

Сидеть нахлебниками гости не захотели и уже на следующий день вышли вместе с хозяевами на заготовку рыбы. Здесь их ждала новость, заставившая встревожиться не только колдунов, но и всякого иного человека. В одну ночь река

спала, потеряв чуть не половину воды. Боковые излучины и овраги обсохли уже давно, а теперь обмелел стрежень, которого никогда не затрагивала даже самая сильная засуха. Там, где ещё вчера мужчины по грудь в воду с трудом удерживали рвущиеся по течению плоты, теперь горбился облепленными тиной камнями новый остров. И если бы сейчас диатриты появились на том берегу, они бы прошли на остров с лёгкостью.

Впервые люди испугались, что река может не защитить их.

Сыновья тура спешно отправились на закат. Белоструйную они пересекли через четыре дня и вскоре сообщили, что собираются занять предгорья Тёмного кряжа. Дальше, на загорных равнинах, жили свои племена, которым не понравилось бы появление беженцев, поэтому пришлось останавливаться на горной стороне. Теснины, быстрые речки и густые леса Тёмного кряжа были издавна облюбованы горными великанами, однако их в расчёт никто не принимал. Горным великанам, несмотря на всю их ужасающую силу, придётся прятаться в скалах, уходить, если найдется куда, или, вернее всего, погибать в неравной борьбе с дружными и хорошо вооружёнными пришельцами.

Гонцы сообщили, что Белоструйная тоже изрядно обмелела, и если бы не правобережные горные ручьи, то и вовсе бы остановилась.

Ромар опрашивал пришельцев, горько сожалея, что их колдуны погибли в схватках с хозяевами птиц. Узнать уда-

лось немного. Никто не знал, откуда и отчего появились диатриты. Они просто явились, и в округе стало нельзя жить. Штурмовать селение карлики не пытались, а вот выйти за пределы городьбы люди уже не могли. К тому же в округе пересохли ручьи, и народ начал страдать от жажды. Пришлось бросать укреплённый поселок и бежать на запад. Единственное, что порадовало Ромара, это известие, что птицы, несмотря на свой огромный рост и немереную силу, страдают куриной слепотой и ничего не видят ночью. Только это и позволило детям тура целыми добраться к реке.

О том, что творится в верхнем мире, никто из пришельцев ничего не знал. Их шаман погиб в первой же схватке с диатритами, а других мастеров магии у детей тура не оказалось. Но и без того пришельцы были напуганы происходящим и при первой же возможности забрали свои семьи и окончательно ушли в горы. Но и там, за двумя реками, они не чувствовали себя совершенно спокойно, а выставили стражу в узких ущельях, чтобы, не приведи прародитель Тур, не прозевать появление убийственных птиц.

Приречные селения вновь зажили размеренной жизнью, ничем особо не отличавшейся от прежних лет, если не думать о необычно тёплой и сухой осени и о том, что великая река превратилась в узкую ленту нечистой воды, едва струящейся между илистых берегов. Люди как избавления ждали осенних дождей, но лишь Ромар и Матхи догадывались, что дожди, скорее всего, не пойдут.

Матхи тоже извёлся. Он спал с лица, глаза ввалились. Ежевечерне он уходил камлать на берег умирающей реки или в священную рощу, где попирал корнями землю прадед деревьев Исконный дуб. Билась в агонии река, чуждо молчали древесные духи, огнём палил верхний мир, и нигде не предвиделось добра. Последние дни словно что-то сломалось в Матхи; он уже не просил помощи у Ромара, обыденные дела справлял словно во сне, а однажды пришел к Бойше и целое утро разговаривал с ним, после чего Бойша ходил чернее тучи и даже без дела накричал на стряпух, допустивших по нерадивости вонь и чад от своих очагов. О чём говорили вождь с шаманом, так и осталось тайной, Ромару ни тот, ни другой ничего не сказали.

Остальные люди жили как во всякий другой год, хоть и судачили о странном. А что ещё делать? Увидав обнажившееся речное дно, люди поначалу ужаснулись, а через неделю привыкли, тем более что река всё-таки пересохла не полностью. Помирать, что ли, оттого, что странное кругом творится? О странном пусть заботятся колдуны, а остальным родичам куда важнее начало осенних праздников: посвящение в невесты, испытание молодых охотников, а потом, ещё через две недели, – свадьбы.

Сроки праздникам поставлены от предков, и не просто так, а с умом. К началу осени табунится в степи копытный зверь, отходит с западных пастбищ, где не так сильно выгорает летом трава, в степи на востоке. Там зимы малоснеж-

ны и легче добывать скудный корм. Но на пути кочующих стад объявляются люди. Начинается большая осенняя охота. В эти дни юноши, ещё не ставшие охотниками, вправе взять оружие и принять участие в облавах. Затем начинается всеобщий мясоед, а вместе с ним – испытания и посвящение в мужчины.

Девушкам проще – достигла возраста, вот ты и невеста. Обряд назначают только если объявляется в роду пришлая юница, которую надо принять в одну из семей. Обычно всё это заранее известно: где не хватает невест, в ту семью и идут девушки. А свадьбы начнутся после перелёта птиц, когда любой мальчуган приносит столько добычи, сколько сможет поднять. Всю неделю люди едят птицу, и недаром свадьбам покровительствуют крылатые птичьи боги. От них любовь, от них счастье. Потому и невест выкликают утицами и лебёдушками, а милостивый обычай не велит во время лёта бить живущих парами лебедей – бережёт птичьи семьи.

Но в этом году всё шло наперекосяк. Собрались старухи петь над приёмышами песни, переряжать в новые рубахи, разводить по новым семьям. Вождя с колдунами пригласили, не для совета, а ради уважения. В семейных вопросах дела, как встарь, решают бабы, и всякий признаёт, что это правильно. И вот тут-то в накатанную церемонию влетел молодой, ещё и посвящения не прошедший парень Малон. От кого бы другого ожидать, а не от него. Когда только успел и сам влюбиться, и девку влюбить…

Во всяком случае, не успели старухи рассесться кружком, как выбежали в середину круга Малон и взятая у детей тура конопатая Калинка и повалились хозяйкам в ноги. Просили об одном: принять Калинку в ту семью, куда дозволено свататься Малону. А там и без того невест избыток.

– Эк вы мне всё спутали! – крякнул с досады Бойша. – Я за вас думал, считал, а вы с вашей любовью… – Вождь сплюнул с досады и приказал: – Решайте, матери. Как велите, так и сделаем.

Старухи поглядели на ждущую приговора пару: оба невысокие, оба крепкие, что гриб-боровик июльской порой, и широкоплечие тоже. Ну как нарочно их друг для друга лепили. Поворчали старухи, да и махнули рукой: пусть их – в счастливой семье дети здоровыми родятся.

С парнями тоже не всё было ладно. На какое время испытания назначать, если зверь пошёл раньше срока и не в ту сторону, а перелётная птица, судя по всему, на зимовку сниматься не спешит. И всё-таки подошли рассчитанные сроки, начался праздник.

Последние три дня юноши сидели на виду у всех, за игрушечной оградой возле Столпа предков. Изготовленное своими руками и опробованное во время недавних охот оружие хранилось в землянке колдуна, Матхи ежедневно окуривал его смолистым дымом. Все три дня полагалось поститься, что обычно воспринималось спокойно, но в этом году служило темой множества невнятных шуток. Коротко они своди-

лись к одному: вот сидит толстенький Малон или жирненький Рутко, а в это время голодный мангас… Таши смешков не слушал, а и слышал бы, так не обиделся бы. Не до того было. Муть качалась в душе. Срок подошел, а он так ничего и не решил. Знал твердо: так – не будет. А что «так» – неведомо.

На рассвете решительного дня Матхи показался у выхода из своего жилища. На нём красовалась страшная личина и большой колдовской наряд. Слепец уверенно шёл давно знакомой дорогой, притопывая на каждом шаге, так что погремушки на шапке, полах кожана и вычурном вересовом посохе дружно взбрякивали. Кроме этого звука, ничто не нарушало тишины: весь посёлок спал. То есть на самом деле не спал никто, но полагалось спать, и люди добросовестно притворялись, лёжа в постелях: сопели, похрапывали и ждали урочной минуты.

– Хур! Хур! – уже не Матхи, а злой Хурак – пожиратель трусов подкрадывался к городьбе, за которой мирно спали юноши. Еще мгновение – и кости захрустят на острых зубах демона. Но на пути Хурака вырос Бойша, вернее – не Бойша, а сам древний Лар. Он был наряжен в лохматые шкуры, на голове красовалась шапка с парой изогнутых рогов.

– Что нужно тебе здесь? – загремел Лар, гневно подымая к небесам нефритовую дубинку. Оружие это было очень знакомо чудовищу, ведь демон возник из печени убитого этой дубиной повелителя тьмы и холода предвечного Хадда. И всё

же Хурак не отступил.

– Это моя еда! – пролаял он.

– Это мои воины! – возразил Лар.

– Это не воины – они спят и не слышат, как идёт враг!

– Они не спят! – воскликнул Лар, и тут же юноши с боевым кличем вскочили на ноги, а изо всех домов высыпали ждущие сигнала люди.

– Я голодный дух! – запел шаман. – Я сожру всех, кого смогу, я съем всех, кого сумею, я проглочу всякого, кто трус, я изгрызу любого, кто робок! Я Хурак, я желаю жрать! Я иду за вами, слабые сердцем, хлипкие душой! Трусы – вы моя пища!

– Здесь нет трусов! – раздался общий крик. – Здесь воины, воины, воины!

Злой дух сопротивлялся, но его уже почти не было, а снова был Матхи – слепой шаман.

Матхи склонился над заранее подготовленным костром, застучал кремнем. Тёртый огонь нужен для урожая, для домашнего очага, для изобилия во всяком хозяйском деле, а тут погребён огонь воинов, что добывают из камня. Тонкий хворост сразу заполыхал и быстро прогорел, рассыпавшись кучей мелких угольков. С долгим воплем шаман зачерпнул полную чашу жара. Над угольями колыхался голубой огонёк.

Юноши уже стояли в ряд, вытянув перед собой левые руки.

Таши был в ряду третьим. Шаман подошёл к нему; урод-

ливая харя кривилась выпирающими клыками. Воистину, это был Хурак, алчущий свежей крови и пришедший мучить людей, чтобы выбрать слабых для своей кровавой трапезы. Толстыми пальцами он порылся в чаше, спокойно, словно не огонь держал, а перебирал гладкие морские окатыши, выбрал уголёк и на ощупь положил его на протянутое предплечье. Запахло палёным волосом – рука у Таши была мохната, в неведомого отца. Таши не дрогнул, он продолжал стоять, безразлично глядя вдаль. Один за другим шаман разложил на подставленной руке семь угольков и пошёл дальше.

Никто из парней не вскрикнул, когда огонь касался их, ни у кого не исказилось лицо, но Таши краем глаза видел, что прежде ровная линия вытянутых рук надломилась: кое у кого руки дрожат. Сам Таши терпел боль спокойно – собственно говоря, ему было даже не слишком больно. Он знал, что ожоги будут сильно болеть потом; как и многие мальчишки, Таши заранее испытывал себя, прижигая тело углём. Гораздо хуже, что рука вскоре распухнет, а впереди стрельба из лука, потом придётся метать боло и копьё, хотя это уже легче, тут левая рука не так важна, как в стрельбе из лука.

Таши умудрился до того задуматься, что даже удивился, когда к нему приблизился Бойша и, шлёпнув ладонью по сжатому кулаку, сбросил потухшие угли. Тогда Таши вспомнил, что это не самое тяжкое испытание из тех, что предстоят ему.

Тем временем все юноши были освобождены от углей, и

начались состязания в силе, ловкости, выносливости. Люди вышли за пределы городьбы, туда же вынесли сосновый щит, обшитый кожей, на которой охрой нарисованы животные: олень, лошадь, тур, сайгак. Только зубра не было здесь, ибо даже в нарисованного предка нельзя стрелять.

В стрельбе из лука у Таши не было соперников, и, хотя обожжённая рука изрядно мешала целиться, Таши легко выиграл состязание. Он ждал, что ему, как то обычно бывало, поднесут шапочку с беличьим хвостиком, но вождь возгласил: «Призы мы будем давать в конце состязаний!» – и шапочка осталась в руках у старух.

Затем метали боло. Задача состояла не только в том, чтобы кинуть каменную гроздь как можно дальше, но и захлестнуть ремнём, на котором висят камни, вбитый в землю столб. Новенькое, недавно законченное боло не подвело Таши: самый дальний столб, до которого никто и докинуть-то не мог, был с первого раза обвит ремнём и от резкого рывка не выдернулся из земли, а попросту переломился с сухим треском. И вновь награда – украшенный самоцветными камешками пояс – не была вручена.

Разжигали костры. Здесь первым управился незнакомый парень из верхнего селения. Таши внутренне сжался, ожидая, дадут ли победителю олений кисет для кремней и трута, но Бойша, как и в прошлые разы, лишь показал подарок зрителям, а потом вернул его мастерице. Таши слегка успокоился. Конечно, он понимал, чем вызвано изменение обычая, и

слышал, как хлопали по плечу коренастого Малона, который лишь немногим хуже Таши метнул боло, но всё равно знать, что награждение отсрочено не только для него, было приятно. Хотя ещё немного, и наступит та минута, о которой Таши так старательно пытался не думать. По здравому размышлению, ему всё должно быть безразлично, но тем не менее Таши выбивался из сил, соревнуясь с одногодками, словно пытался доказать собравшимся, что он хороший.

Таши лучше всех послал в цель копьё, а когда юноши взапуски поплыли в холодной осенней воде, он уступил лишь одному сопернику – Шуке. Шука был младшим сыном рыбака Мухи, так что никого его победа не удивила.

Пловцы не успели обсохнуть, как Бойша выкрикнул начало бега. Это было последнее состязание. Лучше или хуже, но все юноши выдерживали испытание и, вернувшись на площадь у Столпа предков, могли считать себя мужчинами. Все, кроме Таши.

Бежать надо было через поля на ближнее пастбище и принести оттуда живую овцу. Таши любил и умел бегать, хотя не смог бы сравниться в скорости с Тейко, который умудрялся загонять до смерти зайца. Но и среди тех, кто испытывал судьбу в этом году, было немало быстроногих парней. Все они бежали густой толпой, и сколько Таши ни старался, ему не удавалось вырваться вперёд. А вот юркий Лихор из низового поселка с лёгкостью оставил всех позади. Хотя путь туда – это даже не полдороги, ведь обратно придётся бежать с

овцой на руках, а на такое у Лихора вряд ли хватит прыти.

До пастбища оставалось ещё изрядно, когда Лихор показался навстречу. Теперь он ступал не так споро, но отрыв был очень велик. С победным криком Лихор пробежал мимо, торопясь за праздничными постолами, которые дарят самому быстроногому из юношей. Остальная толпа разразилась воплями, пытаясь ускорить бег. На лугу произошло замешательство, каждый старался выбрать животное полегче, овцы шарахались и не давались в руки. Таши, не выбирая, схватил ближайшую овцу и, стазу оторвавшись от основной массы преследователей, помчался в обратный путь. Животина оказалась тяжеловата, но Таши не сбавлял скорости, словно от его победы зависело, останется он жить или нет. И он догнал изнемогающего Лихора почти у самой городьбы и на последних шагах обошёл его. Остановился, отпустил полузадушенную ярку и тут, впервые за весь день, увидел Унику. Прежде её среди толпы не было, Таши напрасно выискивал её взглядом, а теперь заметил сразу. Уника стояла, держа двумя руками поцарапанную долблёную баклажку. Встретив взгляд Таши, Уника подошла, протянула свою ношу.

– Выпей это, – сдавленно произнесла она.

– Зачем? – Таши совершенно не хотелось пить, да и запах от посудины шёл подозрительный.

– Ромар велел. Пей.

Таши пожал плечами. Ему разом всё стало безразлично. Вот он победил ещё раз – и что изменилось? Что ж, если на-

до, он выпьет эту гадость, всё равно ничто не изменится. Подойдёт урочное время, и на этом кончится всё. Вон женщины разводят свои семейным огнём подпалённые костры, между огнями расстилают шкуру зубра, и Матхи уже не злой дух – личина побеждённого Хурака сброшена, в руках слепца неслышно поёт бубен, скоро он загрохочет, призывая предков. Но хотя Хурака больше нет среди людей, мужчины по-прежнему при оружии – убивать мангаса. Это они думают, что сразят мангаса, а на самом деле убьют его – Таши. Ну и пусть, он согласен умереть, он на всё согласен, кроме уготованного ему стыдного позорища.

– Пей, – напомнила Уника.

Таши кивнул и в два глотка выпил затухшую мерзость.

– Вот видишь, всё хорошо, – произнесла Уника так, словно Таши возражал ей.

– Я… – произнес Таши и подивился, как туго ворочается язык, – я не хочу этого делать… Всё напрасно. Прости. И, если можно, уйди… не смотри, как меня будут убивать.

– Я не буду смотреть, – пообещала Уника.

Жаркая судорога охватила щёки, шею. Таши глядел как сквозь туман, в ушах гудело, гул наплывал частыми волнами, шумный прилив захлёстывал Таши с головой. На какое-то время исчезло ощущение собственного тела, потом Таши обнаружил, что стоит перед кострами, которые уже горят. Он стоял совершенно обнажённый, кто и когда успел раздеть его, Таши не помнил. Сквозь липкий туман в голове про-

бивалась единственная мысль, Таши упорно жевал её, и от непрерывного повторения она потеряла всякий смысл, обратившись в гудящие надоедливые звуки: «Не хо-чу».

На пару со стучащей в висках кровью зарокотал бубен, переливчатой дробью рассыпались удары деревянных палочек по высушенным оленьим лопаткам, заныла береста. Что-то запели мужчины, и Таши отметил, что мысленно поёт им в такт: «…не-хо-чу-не-хо-чу-не…»

Почему-то по ту сторону костров объявилась палатка. В ней откинулся полог, две старухи вывели девушку. Её руки безвольно свисали, пушистая накидка распахнулась, открывая взглядам по-детски безволосое тело с едва наметившейся грудью.

– Иди, Таши! – велел чей-то голос, и Таши вдруг понял, что и судорога, и гул крови в ушах, и нетерпеливая дрожь – всё вызвано острым непереносимым желанием прикоснуться к этому ждущему его телу, слиться с ним.

Таши качнулся вперед, ступив на расстеленные шкуры. Лишь отсюда, с близкого расстояния, он рассмотрел лицо девушки. Странным образом именно её он никогда не выделял из группки пленниц. Тонкое, словно спящее личико, широко распахнутые глаза с неестественно огромными, не глядящими зрачками, приоткрытые влажные губы и струйка слюны, сбегающая по подбородку. Эта струйка заставила Таши вспомнить, что он хотел сказать какие-то слова.

«Опоили девчонку, – пришла первая мысль. – И меня то-

же».

Таши повернулся к ждущим взглядам и, с трудом ворочая задубевшим языком, произнёс:

– Подождите… Я должен сказать. Я человек… настоящий. Я мужчина, и потому я не стану ничего делать. Я человек, а это не по-людски.

– Таши! – раздался голос вождя. – Ты знаешь закон?

– Я его знаю, – сказал Таши и сел, чтобы скрыть свою плоть, постыдно напружиненную, неистово рвущуюся к беспомощной, ничего не соображающей девушке.

– Таши! – в голосе Бойши звучала откровенная мольба. – Если ты не сможешь доказать, что ты мужчина, нам придётся убить тебя!

– Все видят, что я мужчина, – сказал Таши, – но если хотите, то убивайте.

Он ткнулся лицом в колени, стараясь ничего не видеть.

– Мангас!.. – злорадно пропел чей-то знакомый голос.

– Стойте! – крик упал, разом перекрыв нарастающий шум.

Таши поднял голову и увидел Унику. Она стояла совсем рядом, развернув какое-то тёмное полотнище, загораживая Таши от нацеленных копий. Потребовалось заметное усилие одурманенного разума, чтобы понять, что это за лоскут. Уника держала одну из главных святынь рода – шкуру нерождённого зубра, вернее – зубрёнка, вытащенного из чрева погибшей матери. Этот талисман доставался, если кто-то из женщин не мог разродиться. Тогда страдалицу клали на шкуру,

и нерождённый предок помогал своему брату. Многие из собравшихся здесь появились на свет на этом куске кожи, и ни у кого не поднялась бы рука пронзить его оружием.

– Слушайте!.. – выкрикнула Уника. – Я свидетельствую, что этот человек настоящий мужчина. Я знаю это, как может знать женщина, потому что во мне растёт его ребёнок!

В толпе ахнули. Уника, спасая Таши, ставила под удар себя, ибо признавалась в страшном преступлении – кровосмесительстве. Неважно, что они очень дальние родственники, но они принадлежат к одной семье и, значит, считаются братом и сестрой.

Предание говорило, что Шур, старший сын Лара, был виновен в таком преступлении. От противоестественной связи родилось существо без костей, прародительница червей и болотных духов чудовище Слипь, а земля, прежде бывшая мягкой и тёплой, от отвращения затвердела камнем и перестала родить. Великое неустройство и голод пришли тогда в мир, несчастья кончились лишь после того, как преступницу сожгли живой на каменной россыпи. А Шур, соблазнивший сестру, прожил долгую жизнь, женился на женщине из рода лошади и имел много детей.

Частенько родичи, вспоминая эту легенду, судачили, что несправедливо карать одну лишь женщину, но всё это были пустые разговоры, ведь больше подобное не повторялось никогда. Вернее, никто и никогда не судил женщин за подобные проступки. Возможно, за много лет кто-то и был виновен в

блуде, но никто в том не сознавался, и слизистых чудовищ тоже ни у кого не рождалось. И вот теперь древняя история грозила повториться.

– Это правда? – медленно спросил вождь.

– Да. Таши, скажи им, ведь ты любишь меня?

– Я тебя люблю, – покорно подтвердил Таши, пытаясь отуманенным разумом понять, что происходит.

В толпе послышался сдавленный вой. Он зазвучал так дико и неожиданно, что люди шарахнулись в стороны, оставив в пустом круге воющего Тейко. Кажется, он пытался крикнуть что-то, но его корежило и ломало, словно припадочного. Наконец сквозь сжатые зубы вырвалось хриплое: «Дрянь!.. Потаскуха!..» – Тейко вскинул лук, но выстрелить не успел, пастух Мачо, прыгнув, ударил его по локтю, и стрела косо ушла в небо.

– Не блажи! – крикнул Мачо. – Годами еще не вышел расправу творить! Не ты её судить станешь!

Слово было произнесено. Бойша стряхнул секундную растерянность и приказал не терпящим возражений голосом:

– Отведите её к Матхи и заприте. Её мы будем судить завтра. Сегодня день охотников, а не женщин. Люди, решайте: кто перед вами? – Зелёный жезл указал на Таши.

– Мангас!.. – раздирая горло, заорал Тейко.

– Он мангас, или она потаскуха? – спросил вождь.

– Оба!

В толпе захохотали, чей-то голос громко крикнул: «Чело-

век!» – слово это было подхвачено, недовольных никто не расслышал.

Ромар и несколько старух подошли к бледной Унике, забрали из ослабевших рук амулет.

– Идём, – коротко сказал Ромар.

– Куда? – вмешался Таши. – Я её не отдам.

– Молчи! – В голосе Ромара звучала нескрываемая злость. – Ты сегодня уже наделал глупостей на целую жизнь вперёд.

– Я… – не успокаивался Таши.

– Ты хочешь спать! – Выцветшие глаза Ромара налились июльской синевой. – С Уникой пока ничего не случится, а ты – спи!

Таши покорно опустился на ложе, подготовленное для несостоявшегося действа, и мгновенно уснул, словно не было вокруг шума, криков и всеобщего смятения. Сколько он проспал, Таши не смог бы ответить. Одурманенная фантазия, ничем больше не сдерживаемая, швырнула его в пучину столь сладострастного кошмара, что Таши даже наедине с собой вспоминал этот сон смущаясь. И в то же время Таши казалось, что он не спал вовсе, что не прошло и минуты, он едва прикрыл глаза и тут же услышал голос Ромара:

– Ну-ка, быстренько поднимайся, нашел время отдыхать.

С великим трудом Таши приподнялся, натянул одежду, которую подтолкнул ему Ромар. Оглянулся, ища Унику. Её нигде не было.

– У меня в сумке фляга, – сказал Ромар. – Достань и выпей до капли.

– Один раз ты меня сегодня уже опоил, – не удержался Таши. Ему было худо, руки дрожали, цепкий колдовской туман упорно колыхался в голове.

– Вот именно. Теперь надо привести тебя в чувство.

Таши откупорил фляжку, понюхал. Питьё горько пахло мятой и полынью. Оно действительно немного прочистило голову, хотя Таши так и не мог как следует вспомнить и понять, что же всё-таки с ним было на самом деле. Он твёрдо знал только одно: Унике угрожает беда.

– Слушай внимательно, – наставлял Ромар. – Сейчас ты пойдёшь, и тебе поставят знак воина. Потом получишь свои награды, а завтра с утра отправишься вместе с дозорными вверх по реке.

– Я не могу бросить Унику.

– Сможешь. Вы и без того успели натворить больше, чем прощается члену рода. Она, по крайней мере, тебя, дурака, выручила, так теперь не мешай мне выручать её. Будь добр, исчезни на пару дней, не мозоль людям глаза. В любом случае, Унику так просто не казнят, ты всегда успеешь вернуться и если не помочь, то хотя бы умереть вместе с ней.

– Хорошо, – послушно сказал Таши и пошёл во внутреннюю ограду, где Матхи ловко, словно зрячий, колдовал над изготовленными ежиными иглами и плошками с чёрной и бордовой краской.

Глава 3

Дело предстояло непростое, попросту неслыханное. Ни вождь, ни колдун не могли, да и не стали бы решать его своей единоличной властью. Речь шла о жизни одного из членов рода, а в таком вопросе могут судить только главы семей и лучшие мастера. В былые годы на судилища приходили бабы-йоги, и слово их всегда было суровым. Женщины более прочих держались за обычаи старины. Обычно не так-то просто было собрать старейшин из четырёх далеко разбросанных селений, но сейчас они все были здесь, на празднике посвящения, и потому суд был назначен уже на следующий день.

Небывало редко случалось в роду подобное. Крепко помнили люди историю с сыном Лара и гнев Матери-Земли. И так же крепко считались с родством. Потому и ужаснулись люди, узнав, что случилось, и глядели теперь на Таши с ещё большим ужасом, чем в те времена, когда считали его мангасом. Недаром же Ромар велел Таши скрыться с глаз долой, не гневить понапрасну встревоженный род.

С дозором Таши не пошёл, но и Ромара не посмел ослушаться – из селения убрался. Понимал, что вся надежда на старика. Тот видывал на веку больше, чем десяток таких, как Таши; может, и сумеет выручить. Ведь и в самом деле: дальние они родственники с Уникой, что кукушка с жаворонком,

она его тоже братцем зовёт.

Разумеется, далеко Таши не уходил. Ныло, болело внутри – словно бревном неподъёмным хватило. На месте не усидишь, рыщешь, точно голодный волк-одиночка. Запасшись луком и стрелами, прихватив какой ни есть еды – на всякий случай, вдруг бежать придётся, – Таши затаился в зарослях пожухшего орляка, там, где ещё недавно сбегал, посверкивая, с прибрежных холмов узкий ручеёк. Как на ладони, парень видел частокол, что окружал посёлок, ворота, – и до блеска вытоптанную площадку перед ними. Просторная площадка, куда больше той, что перед жилищем Бойши, где стоит Столп предков и собираются старшие охотники, когда нужно решить что-то всем вместе.

На Смертный суд мог прийти любой из родичей. Другое дело, что говорить могли лишь те из мужчин, что уже женаты и имеют потомство. На мгновение Таши порадовался, что по крайней мере Тейко рта раскрыть не дадут. А если попробует своё кричать – вмиг заставят примолкнуть. Высоким правом судить в роду владели лишь девять человек. Пятеро старейшин, главы семей, Бойша, как вождь, Матхи, как шаман, Ромар, как… как Ромар, и девятый – мастер Стакн. Да и ещё могла говорить – но не выносить решение – самая старая из матерей, последний отголосок былой власти йог.

«Как они решат? Что присудят?» – терзался Таши, грызя кулак. В который раз он пытался угадать мысли тех стариков, что вольны обречь на смерть Унику.

Ромар… ну, с этим ясно. Костьми ляжет, чтобы выгородить любимицу. Да только хватит ли его слова? Не всем по нраву колдун Ромар; может статься, прекословить начнут только лишь потому, что ОН это сказал.

Стакн. Мягкий он, добрый, хороший, не то что камни его. Великий искусник. Сам без жены остался – девушки той семьи, к которой мог свататься, по сердцу не пришлись, и мягкий Стакн проявил твёрдость. Говорят, сохнул в молодости мастер по красавице из своей семьи, потому и ходит в бобылях. Если это правда, то сейчас Стакн безразличен не будет, вот только что ему больная память подскажет: защитить того, кто посмел пойти против жестокого закона, или же покарать? Вразуми, мудрый Лар, мастера на доброе решение!

Муха. Странный он, этот Муха, щупленький, кажется – одним пальцем свалишь; ан нет. Худой, да жилистый; покрепче иных, у кого плечи в ворота не сразу проходят. Семья его издавна рекой живёт, лучшие рыбаки все родом оттуда. И Муха – главный. Реку любит – не сказать как. Головой не больно-то светел, а все до единой рыбьи хитрости да ухоронки знает. Муха мужик не злой, прошлой осенью за Таши заступался, но последние дни ходит мрачный как туча – обмелела Великая, ушла вода… что-то дальше будет. Ох, не оберёшься беды с Мухой, коли обиду за реку начнет на Унике отыгрывать.

Туран. Из нижнего селения. Упорный и упрямый, как сам Лар-прародитель. И крепко за старину держится. Зачем, по-

чему, отчего – не важно. Обычай – и всё тут. Жестокий человек Туран. Если роду надо – значит, надо. С этим всё ясно, пощады ждать нечего, будь ему хоть родной сын.

Бараг. Его семья большей частью в дальнем выселке обитает, возле горных лесов. Говорят, они с великанами дело частенько имеют… Хитёр Бараг, тороват – но вроде бы не злой.

Свиол. Этот в пахотных делах сведущ. Его семья, пожалуй, самая многочисленная в роду. А вот охотники их подкачали. Тейко, правда, из ихних будет… Вот этот уж точно не пощадит. Таши вздрогнул.

Из старейшин последний – Лат. Таши досадливо сморщился, вспомнив главу своей семьи. Вообще-то полагалось бы Лату сидеть выше прочих старейшин – потому что из этой семьи вышел нынешний вождь, Бойша. Власть старшего в семье велика, иные и вождями помыкать умели – да только Лат не таков. В рот Бойше смотрит, слова поперёк не скажет. И на советах всегда молчит – до тех пор, пока вождь слово не изронит. Лата уж и спрашивать перестали. Зачем? Бойшу они и сами услышать могут.

Матхи, шаман. От него-то, понимал Таши, более всего зависит – что станет с Уникой. Ловок шаман. Говорить красно умеет. Слова плетёт – что искусный мастер Стакн желвак кремня обкалывает. Каждое слово – по месту. С одной стороны, обязан шаман закон поддерживать, обычай блюсти, потому что кому ж, как не ему, знать, что предков да Мать

разгневать может, а что нет. И умён Матхи, и хитёр, даром что слепец. Может так дело повернуть, что люди Унику тут же начнут камнями забрасывать… чтобы потом на них же бездыханное тело спалить. А может – и так, чтобы оправдали. Велика власть шамана. Он волю предков толкует.

Ну и остался последний. Бойша, вождь. Хороший вождь… и к Таши по-людски относится. На испытании душой болел за него. Девчонку специально выбрал, чтобы попригожее… Старался для Таши, а тот ему одну неприятность за другой. Как ни поверни, а сегодня Бойше тяжко придётся… Вождь обычаями повязан ещё больше, чем шаман. И воины посильнее его найдутся, и охотники поудачливее, а уж на реке Мухе и вовсе равных нет. И если сам вождь древний закон отринет… что ж будет тогда?

Таши лежал, наблюдая, как народ течёт через ворота, торопясь занять места вокруг судилища. Сам суд увидят едва ли несколько десятков; услышит, наверное, сотня – а остальным придётся довольствоваться тем, что впереди стоящие перескажут.

Женщины идут, мужчины… Отцы дочерей ведут – чтобы знали, наверное, каково со своими братьями блудить. Много народу. Все, кто мог, на ком работы неотложной нет, – все появились.

Толпа, сгрудившаяся вокруг судьбища, внезапно раздалась, освобождая дорогу. Шли те, кому решать Уникову участь.

Впереди шёл Бойша. В правой руке вождь сжимал священную дубинку зелёного нефрита, а левой – вёл Унику. И хотя от мелового холма до площади перед воротами немалое поприще, но Таши видел, что девушка шагала, гордо подняв голову. Больше она ничем не могла сказать за себя: на суде у неё не будет слова; она сейчас – на полпути между Живой страной и Мёртвой. А такие должны молчать.

Вторым шёл Матхи. Тоже понятно почему. Не проступок судят, а преступление против рода. В таком деле даже тень судимой вредоносна. И шаман должен уберечь соплеменников от беды. Ради Смертного суда Матхи облачился как для большого камлания. На лице – страшная маска хавара, свирепого духа справедливости, что следит за вынесением приговоров.

Ромар и Стакн брели рядом. Безрукий колдун опустил голову; мастер же что-то горячо ему втолковывал. Дорого бы дал Таши, чтобы услыхать эти слова…

Следом вступали старейшины – и парень разглядел непреклонно свирепое выражение Турана. Ох, не к добру…

Люди разом притихли, хотя следом за старейшинами ещё валили опоздавшие; собрался почитай что весь народ. Даже самые древние старики не помнили Смертного суда. Разве что Ромар… но колдун такими памятками не делился.

Толпа, словно вода, смыкалась за спинами проходивших набольших рода. Наступила тишина. На земле расстелили шкуру громадного зубра – на неё опустился Бойша, сел

на пятки, положив поперёк колен священный нефрит. Руку Уники он выпустил, и девушка осталась стоять посреди пыльного круга. Таши казалось – её взор ищет кого-то в толпе… уж не его ли?

Расселись и старейшины. Каждый – на специально для таких случаев хранимую шкуру. Конечно, не зубра. На шкуре предка может восседать только вождь.

Ромар и Стакн как шли, так и сели рядом. Колдун не поднимал головы, а говорливый мастер всё продолжал ему что-то негромко втолковывать. Говорить осталось недолго – вождь поднимет священный нефрит, и придёт молчание.

На ногах остались лишь Уника и Матхи. Шаман не может сидеть, он – посредник между предками и живущими, он – между небом и землёй.

А! Вот и Тейко… Таши почувствовал, как сжались кулаки. Не утерпел незадачливый соперник, припёрся-таки на судилище… да ещё, гляди-ка, в первые ряды просунулся… Ишь как глаза горят, за три полёта стрелы видно.

Двигались, пихались, толкались ещё недолгое время. Наконец Бойша медленно поднял дубинку вождя.

И – разом как обрезало. Замерли. Застыли. Окаменели. Смотрят. Ждут, что вождь скажет. Ему начинать суд.

– Дети Лара! – могучий голос Бойши разносился далеко окрест, так что Таши в своём укрывище слышал его ясно. – Должно нам сегодня судить прозывавшуюся Уникой, дочь Латы. В чём её вина – назову, и да услышат меня предки!

И пусть не останется тех, кто скажет – не знал-де я. Зачала прозывавшаяся от Таши, брата своего…

Обычно люди так не разговаривают, сегодня вождь говорит обрядовым слогом. Уники уже нет среди живых. Она – на полпути. Даже имени у неё не осталось. Потом, ежели оправдают, имя вернут. А коли осудят, тогда имя больше не потребуется. Не станет такого имени в роду, и никто более этим словом дочь не назовёт. А что Таши назван братом Унике, так это тоже обряд. Раз они из одной семьи – значит, брат и сестра, и не может быть меж ними брака.

– От мангаса, дрянь!!! – взвизгнул вдруг Тейко.

Народ охнул: совсем ополоумел парень! Вождя прервать!

Ни на миг не замедлил Бойша своей речи. Только раз взглянул на крикуна – и Тейко разом осёкся. Под взглядом вождя разве что Ромар глаз не опустит.

Сейчас бы могли и скрутить крикуна. Но, верно, цепко помнил Бойша, кого в жёны добивался Тейко; пожалел на первый раз, понял сердечную боль, что порой и разум затмить может.

– Зачала от Таши, охотника, человека. Зачала от того, кто в её семье рос. Теперь должно нам судить её. Говорите, старейшие! А кто горлопанить станет… того утихомирим.

Первыми говорить должны старики. Вождь с колдунами слушают. Их слово последнее. Им решение изречь. Хотя… не бывало такого, чтобы пошёл вождь поперёк приговора старейших вкупе с колдуном, шаманом и мастером…

Таши замер, прислушиваясь. Нет, ничего не слыхать. Замолк вождь, и гадай, что происходит. Теперь и близстоящие не всё расслышат. Старейшины горло рвать не станут. Таши сжал зубы, мучительно сощурился, стараясь хотя бы рассмотреть получше, что происходит перед воротами, по выражению лиц догадаться о словах.

В толпе произошло какое-то движение, и Таши с ужасом увидел, как в центр, под взгляды людей, вышла согнутая седая старуха. Подняла иссохшую руку, не то требуя внимания, не то с ходу принявшись проклинать, закричала тонко, слов издали не разобрать, одни взвизги.

Старая Крага! Первой начала, ведьма! Всякий знает, что нет большей ревнительницы старины, чем эта старуха. Болтали – быть бы ей йогой… да не успела, прошло их времечко. Можно представить, что она там говорит… Таши застонал и упал лицом в ладони.

Не слишком довольны были и охотники. Дело серьёзное, не женское. Но если по совести рассудить, то ещё в недавние времена семейные дела одни бабы разбирали. Вот и гадай, слушать старуху али нет. А вернее – слушаться ли её. Говорить у Краги полное право, как-никак шестерых сыновей родила, и у каждого уже свои дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.